

Андрей Куржков

ГЕОГРАФИЯ ОДИНОЧНОГО ВЫСТРЕЛА

**ПУЛЯ
НАШЛА**

ГЕРОЯ

География одиночного выстрела

Андрей Курков

Пуля нашла героя

«Фолио»

2000

Курков А. Ю.

Пуля нашла героя / А. Ю. Курков — «Фолио»,
2000 — (География одиночного выстрела)

"Пуля нашла героя" – заключительный роман фантастической трилогии А. Куркова "География одиночного выстрела". Герои романа пережили страшную, кровопролитную войну и готовы отдать все силы для восстановления из руин своей Родины. Все прекрасно и стабильно в новом послевоенном мире, только все еще летает над ним пуля. Такая у нее судьба – только убив героя, найдет она покой. И хоть страна полна героев, они другими пулями убиты, своими, чужими ли, а те, кто остался в живых – Кремлевский Мечтатель Эква-Пырьсь, подкремлевский житель Банов, солдат Вася, – на роль героев не годятся. Вот и ищут ангел и пуля того, кто прекратит их мытарства: пуля – чтобы убить героя и остаться в нем, а ангел – чтобы после смерти забрать его с собой в Рай. Но где его найти? И как его найти до того, как его найдет пуля?

© Курков А. Ю., 2000

© Фолио, 2000

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	6
Глава 3	9
Глава 4	12
Глава 5	14
Глава 6	18
Глава 7	21
Глава 8	22
Глава 9	26
Глава 10	28
Глава 11	31
Глава 12	33
Глава 13	41
Глава 14	47
Глава 15	49
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Андрей Курков

Пуля нашла героя

Глава 1

Время, как и пуля, имеет вид округлый, лишенный геометрически острых углов. Оно прозрачно и естественно, и кружит, как и пуля, вокруг земного шара, перекатываясь через его поверхности то прозрачным воздухом дня, то густой патиной ночи.

Но скорость у времени неспешная. Времени некуда спешить. Оно идет себе и идет. И только пуля, многократно обгоняя время и одновременно летя слаженно с этим временем, но намного быстрее, только пуля спешит, чтобы остановиться. Чтобы пронзить заветную мечту свою – тело героя – и остаться в нем, застыв и впитав в себя последнее тепло остывающей крови, укутаться в нее, стать искусственным желтком загустевшего мертвого яйца, в которое превращается любое тело, ступившее за грань жизни.

А ночи после войны темнее стали, темнее и безлюднее. Редко где промелькнет огонек папиросы вышедшего во двор покурить от бессонницы человека. Пуля на такой огонек – как мотылек. Только всякий раз зря! Словно и не курят по ночам настоящие герои!

И кто он – этот настоящий герой, на поиски которого обрек ее, пулю, тот давний ангел-дезертир? Ему-то самому что: ладонь вперед выставил, сказал пару слов и дальше пошел. А ей – и в дождь, и в снег, и в слякоть, в любую непогоду, проще говоря, лети и ищи! И если б полна страна была героев, то успокоилась бы уже пуля. А так, то ли все герои были другими пулями убиты, то ли не было их вовсе. А значит, какова бы причина ни была, а полет продолжается. И только время остается позади. Прошлое время. А будущее, оно, конечно, все впереди. Только зачем пуле будущее? Она ведь не к жизни стремится! Не к полету, как герои летчики.

А утро уже наползает рассветными лучами на все еще дремлющую землю. И петухи кричат, как заведенные. Крики их врываются в небесное пространство над селами и городками и ускоряют движение воздушной пыли, которая и видна становится только в первых лучах поднимающегося солнца, когда оно свежее и не такое яркое, еще не раскаленное до состояния доменной печи.

На поле выезжает первый трактор, и, как естественное продолжение петушиного крика, урчит его мотор, дополняя звуковую картину пробуждающейся земли. Скрипят ворота, и у колодцев позвякивают жестяные ведра. Режет небесную податливую ткань летчик на крылатой машине.

А под ним, между самолетом и поверхностью уже пробудившейся и шевелящейся своими мелкими частицами земли, летит пуля. И вниз ей не хочется от неверия в возможность своей маленькой победы. И вверх ее не влечет – билась она уже не раз о борта самолетов, пытаясь пробиться через железную скорлупу машины и добраться до спрятавшегося там человека.

Военный самолет вдруг совершил фигуру высшего пилотажа, именуемую «бочкой», и сам чуть не ударил пулю крылом. Еле увернулась она и помчалась прочь от этой машины, пониже к земле опустилась. Там спокойнее. Там, внизу, и жизнь беззащитной кажется. Одна беда – трудно в беззащитности этой жизни героя отыскать.

Глава 2

Зима в Новых Палестинах выдалась суровой и холодной. По ночам за стенками человеческих коровников завывали вьюги, и новопалестиняне, даже если удавалось им при этом вьюжном вое заснуть, все равно вздрагивали испуганно во сне и неоднократно просыпались от собственного вздрагивания.

Даже днем без особой надобности старались не выходить наружу. Может, живи они где в низинке, так и вьюга выла бы потише, и не так ударялся бы ветер в деревянные стены их жилищ. Но там, на вершине холма, ближе к небу, ветер имел столько простора и силы, что вполне мог и развалить некоторые, а то и все постройки Новых Палестин, чего новопалестиняне и боялись пуще всего.

Ангел, пытаясь согреться после сна, присел у ближней печки. Рядом сидели и о чем-то думали, согреваясь, крестьянки и крестьяне с бывшими красноармейцами. Время от времени кто-нибудь из них тяжело вздыхал, и тут же, как по команде, вздыхать начинали и другие, сидевшие вокруг печки.

Запас дров таял на глазах, и поэтому горбун-счетовод распорядился топить печи потихоньку, но постоянно, вместо того чтобы один раз и на целый день.

Ангел сидел и думал о своих друзьях-собеседниках, которых уже две недели не видел. Да, минуло уже две недели со дня его последней встречи с Захаром-печником и одноруким Петром. Так хотелось снова пойти туда, поговорить с ними о чем-то, покушать вкусного копченого мяса. Ангел, думая об этом, тяжело вздохнул. Тут же рядом раздались такие же тяжелые вздохи. Прислушался ангел к вьюге за стенами, и показалось ему, что потише стал ее вой. Встал, подошел к двери, приложил к ней ухо. Потом приоткрыл дверь и глянул наружу одним глазком. А там белым-бело, и воздух – морозный и острый как нож – царапнул холодом щеку. Закрыв ангел дверь, а сам задумался. Потом одолжил у одного крестьянина кожух и вышел из человеческого коровника.

Сразу лицо холодом обожгло, но холод этот только взбодрил ангела. Пошел ангел вниз, к домику Захара. Под ногами снег скрипит, да и сам воздух, казалось, тоже скрипит вокруг.

Дошел. Постучал в окошко. Только уселись они втроем за стол, только мяса нарезали, как снова вьюга началась.

– Ну ничего, – сказал Захар. – У нас переждешь. Тут-то, поди, теплее, чем у тебя там в коровнике?

– Теплее, – согласился ангел.

За окном бесилась вьюга, а ангел с Петром и Захаром ели мясо и говорили. Мясо было жестче обычного, из запасов. Свежего Захару из-за погоды не привозили, но печь коптильную он топил исправно, ведь его запас дров был побольше, да и, привыкший к теплу, отвыкнуть от этого, может быть излишнего, тепла он не хотел и не мог.

За окном быстро стемнело, и Захар зажег свечу.

– Слышь, ангел, – спрашивал Петр, – зачем зима нужна? А? Чего от нее хорошего?

«А действительно, зачем? – задумался ангел. – Будь от нее какая польза, так и в Раю бы она была, но там ведь вечное лето!»

– Не знаю, – признался ангел после размышлений.

– А я знаю, – сказал Захар. – Эт чтобы от зла людей удерживать.

– Да как же она удерживает? – спросил Петр.

– А холодом и удерживает, – говорил Захар. – Хочет человек какое зло сделать, а не делает, потому что ему выходить на холод или в метель страшно.

Подумал ангел над словами печника, и показалось ему, что прав печник. А кроме того, легко объяснялось теперь отсутствие зимы в Раю – там ведь никто никому зла не делает, а стало быть, удерживать некого. А значит, и зима не нужна.

Говорили они еще долго, а потом спать улеглись.

А утром разбудил их стук в окно.

– Эй, Захар, у тебя ангела нет? – спрашивал кто-то.

Поднялись и Захар, и ангел. Подошли к окну. Попытались рассмотреть – кто это там ангела ищет, но ничего не увидели сквозь заиндеветые морозные узоры. Однако тихо было на дворе, значит, ночная вьюга к тому времени закончилась.

Отпер Захар двери. В сени ввалился красный с мороза горбун-счетовод.

– У тебя ангел-то? – отдышавшись, снова спросил он.

– Ну, у меня, – ответил Захар. – А тебе он зачем?

– Да там Архипка-Степан умирает, просил его позвать – хочет перед смертью с ангелом поговорить.

– О Господи, – вырвалось у Захара. – Чего ж это он помирает? Случилось что?

– Нет, – ответил горбун. – Сам решил помереть. От тоски, сказал.

Ангел быстро надел одолженный предыдущим утром кожаный кафтан и вышел во двор. Горбун за ним.

– Я сейчас тоже подойду! – крикнул им вслед Захар.

В самом углу человеческого коровника, того же, где и ангел жил, лежал на лавке Архипка-Степан, накрытый несколькими шинелями и кожаным кафтаном. Вокруг него сидели на лавках и на корточках новопалестиняне, сидели и молчали, горестно поглядывая на Архипку.

Ангел подошел несмело, стал у изголовья и поймал на себе тусклый, но радостный взгляд умирающего.

– Пришел... – тихо произнес Архипка-Степан. – Присядь тут.

Ангел присел на ту же лавку.

– Слышал? Я умирать решил, – сказал Архипка-Степан слабым голосом.

– Зачем? – спросил ангел.

– Да тоскливо стало. Без толку живу, – признался Архипка-Степан. – Уже столько лет маюсь, вот и решил – хватит! Я тебя вот что спросить хотел: как там, в Раю? А?

– Хорошо там, – прошептал ангел. – Тепло. Хлеб вкусный – белая паляница.

Архипка-Степан облизнул свои пересохшие губы.

– А меня туда впускают?

Ангел задумался. Казалось ему, что должны впустить Архипку в Рай, ведь ничего плохого он никому не сделал, да и наоборот: сам же привел сюда людей, к лучшей жизни стремившихся, вместе с ними строил эту жизнь. Правда, потом действительно затосковал и вроде как ничего больше не делал, только лежал на лавке или сидел на траве летом и тосковал.

– Слышь, впускают? – повторил свой вопрос Архипка-Степан.

– Наверно, – ангел кивнул.

Архипка-Степан улыбнулся. Лицо его было иссиня-желтым, и улыбка эта словно натянула на его лицо ссохшуюся от тоски кожа. Ангел, глядевший на Архипку-Степана, даже испугался, подумав, что не выдержит ссохшаяся кожа и лопнет.

– Может, молочка попьешь? – спросила жалобным голосом одна крестьянка, наклонившись над умирающим.

Архипка-Степан мотнул головой, отказываясь, потом закрыл глаза.

К вечеру он действительно умер. Из второго человеческого коровника приходили с ним взглядом попрощаться. Молчали. Бабы тихонько выли по углам, сами себе закрывая рты, чтобы не могли вырваться наружу их страдания.

Горбун-счетовод ушел к себе на лавку, достал из-под матраца толстую амбарную тетрадь и карандаш. Долго пролистывал ее, пока не нашел «Список населения Новых Палестин». Потом отыскал в этом списке Архипку-Степана и вычеркнул его аккуратно. После этого пролистал тетрадь дальше и на чистой странице вывел крупными круглыми буквами: «Список умерших жителей Новых Палестин», а под ним вывел карандашом жирную единицу и записал под этим номером Архипку-Степана, после чего тетрадь закрыл и снова спрятал под матрац.

Всю ночь лежал умерший на своей лавке, а утром горбун-счетовод провел собрание, на котором решили хоронить Архипку-Степана весной, а пока вынести его на мороз, который и сохранит умершего до дня похорон. Под конец собрания горбун предложил Демиду Полуботкину спеть у лавки умершего народную грустную песню. Хоть и хотел Демид отказаться, но не посмел. Да и у него самого настроение было тяжелое и тоскливое. И запел он «Вы жертвою пали в борьбе роковой...»

Все сразу встали и головы склонили. И ангел встал. Огляделся и остановил свой взгляд на сыне счетовода, Васе-горбунке, прижавшемся к своему отцу. Поискал взглядом ангел его мать, но так и не нашел, хотя ведь и лицо ее помнил очень смутно, а может быть, и не помнил уже вовсе.

После песни Архипку-Степана вынесли и положили возле зимней кухни, как раз между ее стеной и колодой, на которой рубили дрова, а иногда и мясо.

Морозный воздух был прозрачен и колюч, а на горизонте уже темнелась приближающаяся вьюга.

Глава 3

Дверь в кабинет начальника тюрьмы без стука распахнулась, и вошел Юрец. Прошел к столу, кивнув на ходу малолетнему сыну Крученого Володе. Сел на прибитый к полу табурет.

Крученный уставился в глаза Юрцу выжидательно.

– Ну что, гражданин Юрецкий, – наконец заговорил начальник тюрьмы, не дождавшись ответа на свой вопросительный взгляд. – Новости есть?

– Есть-то они есть, – с хитровой ухмылкой на лице сказал Юрец. – Да только платить надо...

Крученный нагнулся и из нижнего ящика своего стола вытащил батон колбасы и несколько пачек папирос. Выложил все на стол, глянул в глаза заключенному Юрецкому и, к собственному удивлению, не увидел в них радости. Озадаченный, Крученный прищурился.

– Вас что, это не устраивает? – спросил он.

– Нет, не устраивает, – спокойно ответил Юрец.

– А что же вы хотите?

Юрец выдержал паузу длиной минуты полторы-две. Потом тяжело вздохнул.

– Гражданин начальник, – заговорил он. – Я же шкуркой рискую, таская к вам эти новости, а вы меня все в четырехместной держите!..

– Но на ваш трудосчет уже положено шесть тысяч рублей, это что, по-вашему мало?

– А на кой они мне, если меня накроют вдруг? – резонно спросил Юрец.

– Ну так что ж вы хотите?

– Я хочу, чтобы вы разрешили пришить артиста...

– Артиста? Это того, что с попугаем сидит?

– Ну да.

– А на хер тебе это надо? – не сдержал удивления Крученный.

Юрец покосился на мальчика, сидевшего за партой в углу кабинета.

– Да ты не бойся, он не продаст! – тоже посмотрев на сына, сказал начальник тюрьмы.

– Ну это, – произнес уже менее уверенно Юрец. – В общем, если его убрать, то я бы в его камеру перешел... И мы б с попкой... Короче, это мне надо...

– А что у тебя за новости такие?

– Подготовка группового побега. – Юрец улыбнулся, зная, сколько стоят такие новости.

Крученный, задумавшись, уставился на батон колбасы, лежавший на столе. Потом, видимо, надоела ему эта колбаса, и он спрятал ее обратно в ящик стола. Папиросы Юрец испугавшись, что и их начальник спрячет назад, перехватил и рассовал по карманам ватника.

– Дело в том, что об артисте этом в ЦК беспокоятся. Как-то письмо было, чтобы помягче режим ему устроить... Так что пришить его нельзя...

– Ну а если в другой какой лагерь или тюрьму перевести? – предложил Юрец.

– Это трудно, – ответил Крученный. – Нужна причина, да и управление запрашивать надо...

– Папа, да выпусти ты его!.. – прозвучал вдруг в кабинете детский голос, и от неожиданности Крученный и Юрец резко обернулись к мальчишке.

– Еще раз встрянешь в разговор, будешь не здесь, а дома сидеть! – грозно рявкнул отец.

Юрец задумался.

– А может, выгнать его из тюрьмы, а попугая оставить? – предложил он.

– Да ты охренел! Как из тюрьмы выгнать?!

– Ну, освободить досрочно за примерное поведение... – продолжал Юрец. – А у меня тут побег на тринадцать человек... – добавил он, постучав указательным пальцем по виску. – Думай, начальник! Проворонишь побег – сам сядешь!..

Крученный думал. Думал серьезно и глубоко. Допущенный побег – это действительно конец карьере, а предотвращенный – возможное повышение и уж точно какая-нибудь награда...

– Ну не за поведение, а за плохое здоровье освободи, раз из ЦК писали... – сказал Юрец.

– За плохое здоровье освобождать – в тюрьме никого не останется! – ухмыльнулся начальник.

– Почему? Ты останешься! – сдерзил Юрец.

Крученный промолчал.

– Ладно, – наконец ответил он. – Я подумаю.

Потом достал лист бумаги и карандаш, придвинул к Юрцу.

– Давай, про побег пиши! – сказал.

– Когда подумаешь, тогда и напишу! – решительно заявил Юрец. – Я ж не писатель, чтоб без повода писать...

– Хрен с тобой, – рассердился Крученный. – Иди пошляйся по тюрьме и через полчаса зайдешь!

Юрец развязной походкой, мурлыкая какую-то мелодию, вышел из кабинета.

* * *

В тот же день в камеру к Марку и Кузьме пришел тюремный врач – седой низенький старичок в заплатах белом халате.

– Ну здравствуйте, – обратился он к Марку. – Расскажите, на что жалуетесь!

Для Марка этот вопрос прозвучал так неожиданно, что он просто опешил. А потом, испугавшись, что драгоценное время, отпущенное на жалобы, уйдет безвозвратно, уселся на нарах поудобнее и стал жаловаться старичку-врачу на свое здоровье. Рассказал ему все подробно и про осколочное ранение легкого, и про пять лет с черной повязкой на глазах, и про хромую ногу, ноющую на каждый сырой день.

Старичок кивал и записывал что-то в синюю толстую тетрадь.

– Это все? – спросил он Марка, когда тот закончил.

– Да, – тяжело дыша, ответил артист. – А что, мало?

– Да нет, голубчик вы мой, совсем наоборот! Многовато! – сказал старичок. – И как вы только живете со всем этим! Ну а птичка ваша не болеет?

– Вроде нет, – ответил Марк. – Начальник тюрьмы сукна обещал, так что я что-нибудь для Кузьмы к зиме сошью...

– Ага, – понимающе кивнул старичок. – Ну ладно, позвольте откланяться!

И тюремный врач как-то излишне вежливо выпятился из камеры, тихонько прихлопнув за собой тяжелую дверь и звякнув задвижкой.

А буквально через полчаса в камеру заглянул Юрец. Глаза у него светились. Он подошел к нарам, улыбаясь открыто и широко. Бросил добрый взгляд на Кузьму. Потом уставился в упор на Марка и сказал:

– Слышь, артист, кажется, тебя на свободу выпустят... по здоровью...

– Что?! – вырвалось у Марка. – Как, когда?! Скоро?

– Да ты не суетись, а то еще помрешь с радости! – попробовал утихомирить Иванова Юрец. – Это, может быть, и не точно... Я так, краем уха слышал, когда мимо кабинета начальника проходил...

– Спасибо, Юрец! Спасибо! – причитал Марк.

Руки его дрожали.

Юрец бросил взгляд на стопку книжек, лежавшую на полу под нарами.

– Да, ты, если вправду выпустят, книги не забудь отдать в библиотеку, а то знаешь, многие так иногда радуются, что забывают. Выходят за ворота, а их тут же обратно на три года – за кражу книг...

Марк испуганно глянул на книги. Кивнул.

– Я сейчас... я только надзирателя подожду и...

– Да я пошутил, дурик! – засмеялся Юрец. – Ладно, пока, а то я в гости тут иду, в сорок пятую... Там у Кныша день рождения...

Снова закрылась дверь, и ерзнула язычком в крепкий чугунный паз внешняя задвижка.

Марк собрал книги в аккуратную стопочку, положил их на нары. Потом сел рядом и, потирая руки, стал думать о свободе. О том, как вовремя она приходила. Как раз лето, тепло, птицы поют!

От радостных мыслей внезапно разыгрался у Марка аппетит, и чтобы утолить его, развернул он кусок честно заработанного сала, поднес ко рту и впился в него зубами. Откусил, прожевал и тут заметил на большом куске рядом со следами зубов – полоски крови. Опять кровоточила десна, но это особенно не беспокоило Марка.

Глава 4

На письме от Клары стоял мартовский штампель.

Банов медлил распечатывать конверт. Думал о весне. Смотрел по сторонам.

Кремлевский Мечтатель Эква-Пырись тоже сидел тут, у этого вечного костра. Сидел и беззвучно шевелил губами. Был он сегодня тих и нерадостен – первый раз за месяцы не получил он ни одной бандероли, ни одной посылки.

Весна чувствовалась и на Подкремлевских лугах. Тут и там виднелись проталины. Никогда не замерзавший кружок земли вокруг костра зеленел свежей травой.

Банов тяжело вздохнул и вскрыл конверт.

Знакомый мелкий почерк заплясал перед глазами, и сразу вздох облегчения вырвался из легких бывшего директора школы. Он еще не начал читать письма, но что-то подсказывало ему: Клара все поняла, и это письмо, хоть и начинается традиционным «Уважаемый Эква-Пырись!», но на самом деле предназначено для него.

«Уважаемый Эква-Пырись! – читал Банов. – Большое спасибо за письмо.

Я очень рада, что все у вас хорошо, что вы здоровы и обдумываете новые научные работы. Я много думала о вас и о ваших статьях и ходила в школу в Даевом переулке. Об этом напишу позже и подробнее. Несколько месяцев назад пришлось мне пережить тяжелое время. В квартиру несколько раз приходила милиция и другие люди. Разыскивали моего знакомого директора школы. Сказали, что он скорее всего украл самолет в Тушино и улетел за границу. Сделали обыск, забрали все его книги и бумаги, а потом приходили еще раз, спрашивали – не было ли от него писем или записок. После всего этого получила я еще одну печальную новость из Якутска. Вкладываю эту бумагу в конверт. Думаю, что вы поймете мои чувства.

Но в такие дни, когда тяжело на душе, я всегда беру в руки ваши книги и, читая их, забываюсь, перестаю переживать и беспокоиться.

Пишите мне, пожалуйста, с уважением,

Клара Ройд».

– Все поняла, – прошептал обрадованный Банов.

И тут же заглянул в конверт, разыскивая упомянутую в письме бумажку.

Увидел серый квадратик с отпечатанным на машинке текстом. Размером с поздравительную открытку.

Взял в руки.

«Уважаемая товарищ Ройд. Уведомляем вас, что ваш сын Роберт Ройд трагически погиб во время учебного перехода суворовцев через учебные Альпы. Тело его похоронено на спецкладбище № 159 в Якутской области. Дальнейшие бумаги на погибшего Р. Ройда вы можете оформить в 9-м военкомате г. Москвы по предъявлению этого письменного сообщения».

Радость Банова сменилась внезапным холодом, и он, опустив серую «открытку» на колени, застегнул верхний крючок шинели и поднял воротник, хотя ни снега, ни ветра не было и день обещал быть солнечным.

«Роберт погиб, – думал он и ощущал настоящую физическую дрожь. – Бедная Клара...»

Взгляд его остановился на костре, огонь в котором поддерживался стариком уже многие годы.

«Вечный огонь, – думал Банов. – Вечный огонь, как память по Роберту...»

– Ну, что там пишут? – раздался голос Кремлевского Мечтателя. – Что-то интересненькое?

Банов обернулся к старику. В глазах бывшего директора школы блеснули слезы.

Кремлевский Мечтатель заметил состояние своего секретаря и, приподнявшись, протянул свою короткую ручку и взял только что прочитанное письмо Клары.

Пододвинулся к костру и беззвучно зашевелил губами, читая строчки письма.

Банов безучастным взглядом следил за стариком.

Лицо Кремлевского Мечтателя сначала светилось живым интересом, но постепенно интерес этот потух и сменился озабоченностью. Прочитал он и серое извещение о смерти Роберта.

– Да-а... – протянул он. – Надо же... в тяжелые минуты читает мои работы... Надо ей обязательно написать, обязательно и сейчас же!

Банов вздохнул, положил себе на колени доску для писем, достал бумагу и карандаш и приготовился писать ответ Кларе.

– Нет, Василь Васильевич, я на это письмо сам отвечу! – твердо заявил старик. – Дайте-ка мне все это! – И он показал пальцем на приготовленные к работе письменные принадлежности.

Никогда еще Банов не видел, чтобы старик так долго и старательно что-нибудь делал.

Исписав страницу своим бисерным почерком, Эква-Пырьись перечитал ее и, недовольно мотнув головой, скомкал бумагу и бросил в костер. Снова написал. Остался вроде бы доволен и все писал и писал дальше, пока не пришел солдат Вася с трехэтажным обеденным судком. Только тогда поставил старик точку в письме, расписался размашисто и самолично адрес Клары надписал на конверте. Заклеил конверт и бережно положил вместе с письменной доской на снег.

Обедали молча.

Солдат все пытался разговорить Кремлевского Мечтателя. Расспрашивал об эмиграции, о жизни за границей. Но старик отмахивался, отделяясь короткими, словно выстрелы, словами, ничего не объяснявшими и не отвечающими на поставленные солдатом вопросы.

В конце концов солдат замолчал и так просидел, пока не был обед закончен, а кисель допит.

– Голубчик! – сказал тогда солдату Кремлевский Мечтатель. – У меня к тебе очень важная просьба есть...

Вася, удрученный неполучившимся разговором, мгновенно ожил.

– Помнишь, я тебе про конспирацию рассказывал?

– Так точно!

– Хорошо помнишь?

– Да.

– Хочу тебе поручить одно письмо доставить наверх и отправить его через любой почтовый ящик. Но так, чтобы никто это письмо у тебя не отобрал и прочитать не мог, – говорил старик. – Ясно?

– Так точно! – обрадованно шпарил солдат.

– Что ты будешь делать, если возникнет опасность?

– Съем письмо вместе с конвертом, – ответил солдат.

– Правильно. – Кремлевский Мечтатель улыбнулся, взял с письменной доски запечатанный конверт и передал его солдату.

Солдат спрятал письмо за пазуху шинели. Собрал железные миски, вставил их одна на другую в рамку судка и, все еще радостно улыбаясь, попрощался с Бановым и стариком.

– Ну вот, славный молодой человек растет! – провожая солдата взглядом, проговорил Кремлевский Мечтатель и потер ладонь о ладонь, то ли согреваясь, то ли просто в знак хорошего настроения.

Глава 5

Смерть с детства приучает людей к своему присутствию.

Пылинка. Зима. Паутина, покачивающаяся под ветерком мертвых мух и живого паука. Кость, валяющаяся на дороге. Высохшие деревья и скошенная трава.

Многообразная, она не преследует человека, а мягко и неслышно ступая, сопровождает его повсюду, нарочно оставляя свои следы там, где их трудно не увидеть.

Несмышленный, сделавший свои первые шаги малыш останавливается перед выпавшим из гнезда птенцом. Он смотрит на этого уже посиневшего птенца, но еще не видит в нем смерть.

Гордых и сильных смерть начинает сопровождать много позже. Ей нравится, когда гордые и сильные думают о ней, но для этого надо о себе напоминать. И вот умирает любимый пес. Потом любимый конь.

Потом лучший друг, и тогда даже самый гордый и самый смелый задумается о своей смерти.

Но не только смерть повсюду сопровождает человека. Рядом с ней, только всегда чуть-чуть впереди, невидимо и неслышно движется другое прозрачное Нечто, называемое Любовью. Двигается, не оставляя видимых следов, растворившись в воздухе и пытаясь вместе с этим воздухом попасть в легкие, а потом и в кровь человека. И тогда человек, вдохнувший Любовь, при смерти лучшего друга думает об умершем друге, а не о возможной собственной смерти. Думает не о себе, а о других умерших, жалея их и продолжая любить. И даже умирая, не думает о себе.

Небывалая жара, обрушившаяся на Краснореченск и его окрестности, уже давно высушила траву. Река Красная обмелела, обнажив краснозем своего русла. Не слышно было птичьего пения. Даже ветер был обжигающе сухой.

Но, несмотря на жестокости природы, город жил и работал в полную силу. Город выполнял и перевыполнял планы, днем накаляясь под солнечными лучами, а ночью отдыхая от зноя, охлаждаясь и мечтая о дожде.

Город рос, пуская трубы-корни во все стороны, как могучий дуб.

Город жил и работал, вдыхая и выдыхая время.

* * *

Павел Добрынин сидел в своем кабинете и ждал сумерек. Рабочий день давно кончился. Пожалуй, только вооруженная охрана оставалась на спиртозаводе к этому времени – четверо ровесников Добрынина, четверо отставников, немало повидавших и повоевавших на своем веку. Они уже привыкли к свету в окнах кабинета народного контролера. Они привыкли к его постоянному ежевечернему присутствию. Иногда они заходили, вежливо постучав. Пили чай и говорили. Они знали, что Добрынин – такой же, как они: суровый, закаленный и не знающий сомнений человек.

Но в этот вечер они не зашли, и Добрынин был этому рад.

В кабинете он себя чувствовал лучше, чем дома, в квартире, где до сих пор стояла незастеленная кровать Дмитрия Ваплахова. Он иногда и ночевал в кабинете – на этот случай в нижних ящиках книжного шкафа лежали два одеяла. Здесь же, в кабинете, лежал старый вещмешок Добрынина, в котором до сих пор хранились два надкушенных сухаря из далекого довоенного прошлого и револьвер, подаренный товарищем Твериним. И книги свои Добрынин перенес понемногу на завод, и теперь занимали они большую часть книжного шкафа.

Сумерки медленно опустились на Краснореченск, и тогда Добрынин вышел в коридор. Из кладовой уборщицы взял ведро, налил в него воды.

– Вернешься? – окликнул его на проходной один из ВОХРы.

Добрынин остановился, опустил ведро с водой на пол.

– Может, – сказал он подумав.

Было тихо и нежарко.

Минут через пятнадцать Добрынин подошел к аллее Славы.

Собственно, самой аллеи еще не было – ее только недавно начали разбивать в центре Краснореченска на месте снесенных старых домов.

Пока что здесь стояли четыре метровых березки, образующие квадрат, в середине которого был похоронен Дмитрий Ваплахов. Березки были чахлые, замученные солнцем.

Добрынин полил их, потом присел на корточки у могилы друга.

В городе было тихо, как ночью на сельском кладбище.

Директор спиртзавода Лимонов сказал недавно Добрынину, что здесь поставят красивый большой памятник. Уже одну новую улицу назвали именем Дмитрия Ваплахова. На этой улице пока стояли только два дома.

«Хорошо, что здесь посадили березки, – в который уже раз подумал народный контролер. – Все-таки душой он был русским, очень русским».

Послышались шаги, и Добрынин обернулся.

Увидел женщину с букетом цветов. Лица не разглядел из-за темноты. Она подошла к могиле, поклонилась, постояла пару минут молча, склонив голову. Потом опустила цветы на холмик и ушла.

Добрынин проводил ее взглядом.

«Может быть, это мать спасенного ребенка?» – подумал он.

Посмотрел на цветы.

Снова тишина вечернего города окружала его. И подумал Добрынин: хорошо бы услышать собачий вой и почувствовать, как мороз подирает кожу, почувствовать не страх, а как бы внезапно вынырнувшее и застывшее перед ним на короткое время прошлое, заполненное теми собаками и людьми, которые уже или умерли, или так же, как он, состарились. «Хотя это еще не старость, – думал Добрынин. – Это еще не старость, это просто усталость от непрерывного труда».

Он поднялся на ноги, взял пустое ведро и осмотрелся вокруг.

«Куда идти?» – подумал он.

От этой аллеи Славы до их с Дмитрием квартиры было рукой подать – пять минут. И Добрынин нехотя решил пойти домой.

Перед тем как войти в квартиру, он проверил прибитый к двери почтовый ящик. Вытащил оттуда письмо, потом открыл дверь.

В квартире было душновато. Включил свет на кухне, распахнул окно и присел за стол, держа полученное письмо в руках.

«Балабинск-18, Красноармейская, 5, кв. 7, Дмитрию Ваплахову».

Добрынин прочитал несколько раз этот адрес на конверте. Почерк был аккуратный и округлый.

Посмотрел на обратный адрес – и тут же горестно скривились его губы.

Как ждал Дмитрий этого письма, как ждал он хоть маленькой записочки от Тани Селивановой! И вот дошло. Дошло через два месяца после его гибели!

Добрынин вертел письмо в руках, застывшим взглядом осматривая его со всех сторон.

Вспыхнув, перегорела кухонная лампочка, и темнота хлынула с улицы в квартиру.

На ощупь, с письмом в руке, Добрынин вышел в коридор, постоял, прильнув боком к стене. Постоял недолго, потом прошел в комнату и зажег там свет. Сел на свою кровать. Тяжело вздохнул.

Письмо дрожало в руках.

Немного еще помедлив, Добрынин вскрыл конверт и вытащил оттуда сложенный вчетверо тетрадный листок, исписанный таким аккуратным округлым почерком.

«Дорогой Дмитрий!

Большое Вам спасибо за два письма и фотокарточку. Ваша фотокарточка теперь в рамке стоит на моей тумбочке в общежитии. На фотокарточке Вы совсем не отличаетесь от живого, и я часто вспоминаю, как Вы с Вашим товарищем поили меня чаем.

Наша бригада два дня назад получила переходящее Красное знамя за ударный труд. Трудимся мы уже не там, где была школа, а в новом светлом здании. Но начальница у нас все та же – Сазонова. Она не захотела возвращаться директором в школу.

Ну вот, мне надо ложиться спать, чтобы утром свежей прийти на работу. Поэтому заканчиваю письмо. Передавайте привет вашему товарищу. Пишите больше о себе и о своем труде.

С уважением и целую,

Таня Селиванова».

Дочитав, Добрынин выключил свет и, не раздеваясь, завалился спать.

Утром проснулся – еще не было шести. Умылся и уселся на кухне за стол писать письмо Тане Селивановой. Уселся решительно и основательно.

Вроде бы и не выспался он ночью, но такая в нем вдруг твердость возникла, что он сам удивился. Смотрел на ручку, которая совсем не дрожала в его руке. Окунул перо в чернильницу и, придвинув листок бумаги поближе, стал выводить:

«Дорогая уважаемая Таня Селиванова, товарищ Таня!

Пишет тебе друг и соратник Дмитрия Ваплахова, с которым мы вместе жили и работали больше двадцати лет. И вот недавно он погиб... – Тут Добрынин оторвал перо от бумаги, раздумывая, описывать его трагическую гибель или же не надо. Понял он вдруг, что если станет описывать, то обязательно напишет о заводе, а этого делать нельзя, ведь не зря город Краснореченск засекречен и в народе называется Балабинском-18. И тогда Добрынин продолжил письмо так: —...геройски и трагически, спасая жизнь ребенка. Ребенок остался жить, а мой друг Дмитрий Ваплахов погиб. Он очень ждал твоего письма, а оно только сегодня пришло. Я, как его самый близкий друг, знаю, что про тебя он очень много думал. И извини, товарищ Таня, думаю, что он тебя любил. Похоронили его на аллее Славы в центре города. Если можешь, приезжай. Покажу могилу. Но город наш засекреченный. Я попробую помочь тебе приехать сюда. Дмитрий так много думал о тебе. Работай теперь за себя и за него. И я буду работать за двоих.

Напиши о своем труде больше. С уважением, самый близкий друг
Дмитрия
Павел Добрынин».

После этого письма народный контролер написал еще одно короткое. В Сарск, майору Соколову. Он просил майора помочь Тане Селивановой приехать в Балабинск-18. Написал и о смерти Ваплахова, и о том, как ему теперь здесь одному живется. Но письмо все равно получилось очень коротким, и подумал тогда Добрынин, что в коротком письме всегда меньше

уважения и любви, чем в длинном. Однако ничего добавлять не стал и по дороге на завод отправил оба письма.

Через неделю пришел ответ из Сарска от Соколова. Ответ был еще короче, чем письмо Добрынина:

«Дорогой Павел!
Про смерть товарища Ваплахова я знаю. Выражаю соболезнования.
Держись! Тане Селивановой попробую помочь. Жму руку,
полковник Соколов».

«Вот как! – подумал, прочитав письмо, народный контролер. – Полковник, а я его в письме майором назвал. Хорошо, что не обиделся!»

А жара продолжалась, и продолжал Добрынин по вечерам поливать бедные чахленькие березки, посаженные на могиле друга. И каждый раз видел он все новые и новые букеты цветов. И радовался этому – значит, не забывали люди Дмитрия, не забывали краснореченцы своего героя. И березки благодаря заботе народного контролера потихоньку-помаленьку стали расти, новые листочки проклевывались из свежих почек.

Лето близилось к концу, но жара не спадала.

Глава 6

Прошло два месяца, а Марка все не освобождали. Он давно уже сдал книги в библиотеку, а новые не брал, боясь, что не успеет их прочитать. Однако время шло, и все продолжалось по-старому. По-прежнему почти каждый день Юрец приводил кого-нибудь из друзей послушать попугая. По-прежнему друзья оставляли в уплату всякие съедобные мелочи, но только теперь Юрец отрезал себе большую часть «гонораров», а иногда и полностью забирал принесенное.

Кузьма за два месяца освоил еще десятка два зэковских стихов, а Марк начинал их понимать и, естественно, стал понимать зэковские разговоры между собой. После этого его время от времени посещала неизвестно когда и где услышанная фраза: «У каждого человека столько культур, сколько языков он знает». Фраза звучала странно, но смысл ее был понятен.

И вот как-то утром после завтрака в камеру зашел знакомый надзиратель, любивший поделиться с Марком мыслями о только что прочитанных книгах. Вот и в этот раз Марк ожидал от надзирателя устной рецензии на новый роман украинского писателя Вадима Собко «Залог мира». Но надзиратель был хмур и, видимо, в мыслях своих был в это утро далек от литературы.

– Забирают тебя, Маркуша, – сказал он упавшим голосом. – Мне только что сказали. Я хотел вступить, но чуть не получил...

Мурашки пробежали по спине артиста.

– Куда забирают? – испуганно спросил Марк.

– На свободу... – с трудом выдавил из себя надзиратель.

– На свободу? – полушепотом повторил Марк, не понимая причины такого мрачного настроения своего надзирателя. – Это же хорошо...

– Хорошо? – теперь уже полушепотом повторил с недоумением надзиратель. – Тебе хорошо... а я с кем останусь?..

Испуг уже прошел, и к Марку вернулась светлая вера в скорое светлое будущее.

Надзиратель тем временем вытащил из кармана гимнастерки бумажку и протянул ее Марку.

– Что это? Твой адрес? – спросил Марк, разворачивая маленький четырехугольничек.

– Адрес тюрьмы, – ответил надзиратель. – Если снова возьмут, попроси, чтобы тебя снова сюда прислали... Начальник говорил, что у тебя друзья в ЦК, неужто не устроят?..

Марк пообещал.

– Ну ладно, – тяжело вздохнул надзиратель. – Собирай вещи и жди.

Надзиратель ушел. Марк осмотрелся.

– Какие вещи? – спросил он сам себя, заглядывая под нары.

Все вещи, находившиеся в камере, принадлежали тюрьме, и Марк не хотел брать чужого.

Кузьма с интересом наблюдал за хозяином, расхаживавшим по камере широкими шагами свободного человека.

Наконец дверь снова открылась. В проеме стояли двое надзирателей и начальник тюрьмы Крученый.

– Вы готовы? – спросил начальник тюрьмы.

– Да, – ответил Марк, поправляя на носу очки с толстыми стеклами.

– Тогда пойдете!

Марк взял клетку с Кузьмой и подошел к двери.

– Птицу оставьте! – строго проговорил Крученый.

– Как? – вырвалось у Марка. – Как оставить? Где?

– Здесь оставьте, – спокойно продолжал начальник тюрьмы. – Амнистия распространяется только на вас. По состоянию здоровья. Птица на здоровье не жаловалась и, значит, остается досиживать срок.

Марк сделал несколько шагов назад и остановился посередине камеры, крепко сжимая в правой руке кольцо клетки.

– Выходите! – требовательно прогремел Крученый.

– Нет, разрешите мне тоже тогда...

– Что тоже?

– Также досидеть свой срок... я ведь без птицы – никто... так просто, паразит...

– Совсем болен, – покачал головой Крученый. – Еще каюкнется тут в тюрьме... А ну, отберите у него птицу и выведите за ворота! – приказал начальник надзирателям. – И туда же ему чемодан его вынесите! Все, исполняйте!

И Крученый простучал по коридору тюрьмы тяжелыми подошвами сапог.

Надзиратели навалились на артиста, отобрали клетку, а его самого, завернув руки за спину, провели коридорами и отпустили только за тяжелыми железными воротами, отделявшими свободу от тюрьмы.

Там Марк опустился на землю, ослабевший от внутренней борьбы. Уселся прямо под воротами на прогретом солнцем булыжнике. В глазах собирались слезы.

За спиной на мгновение снова открылась дверца, и возле Марка мягко опустился его чемоданчик с обычным гастрольным набором вещей.

«Нет, я отсюда один не уйду, – упрямо думал Марк. – Я здесь буду сидеть, пока не освободят Кузьму...»

Под вечер из ворот тюрьмы вышел Крученый с сыном. Увидев сидевшего на булыжнике артиста, Крученый остановился, посмотрел на бывшего подопечного с некоторой симпатией и даже с сочувствием.

– Ехали бы вы домой, товарищ Иванов!

– Я буду сидеть здесь, пока вы не освободите попугая! – как-то по-птичьи резко выпалил Марк.

Лицо начальника тюрьмы изменилось.

– Па, выпусти птичку! – попросил тут папу Володя.

– Не встревай! – рявкнул на сына Крученый. Потом обернулся к Марку. – Скажите, если я ее освобожу, вы ее выпустите из клетки?

– Что? – Марк не понял странный вопрос. – Что вы говорите?

– Я говорю, товарищ Иванов, что вы в душе надзиратель! Вы же всю жизнь попугая в клетке держите! Вы даже в камере его полетать не выпускали, хотя камера по сравнению с вашей клеткой!.. И вы мне говорите: освободите! Да я и без вас бы освободил птицу и выпустил бы ее на волю, если б не была она осуждена советским судом за серьезное преступление. Ясно?

Марк вздохнул тяжело и уставился на булыжник.

– Мой вам добрый совет – уезжайте домой! – сказал напоследок Крученый и потащил за руку своего сына прочь.

А мальчишка все оглядывался и с интересом и сочувствием смотрел на оставшегося сидеть под воротами тюрьмы дядю.

– А я отсюда без Кузьмы не уйду! – разглядывая булыжник мостовой, проговорил упрямо Марк.

Однако уже на следующий день голодного и простудившегося ночью артиста связали и в таком состоянии погрузили в поезд, шедший в Москву.

Надзиратели, «проводжавшие» его на вокзале, поручили проводнику кормить пассажира из рук и освободить его от веревок только в ближнем Подмосковье.

Лежать на нижней полке со связанными руками и ногами было неудобно. С трудом Марк поворачивался иногда с боку на бок. Хотелось поглядеть в окошко, но соседей в купе не было, и некого было попросить приподнять его хотя бы на минутку, чтобы смог он выловить своим больным взглядом из проносящихся мимо пейзажей какую-нибудь красивую картинку, какой-нибудь очаровательный кусочек своей великой Родины.

А как только вспоминал он об оставленном в тюрьме попугае – сами собою лились из его глаз слезы и щипали щеки. И кожа щек уже чесалась, но руки были связаны, и болели перетянутые тугой веревкой кисти.

Открылась дверь в купе, и проводник, молодой паренек в синей форме и в фуражке, спросил:

– Чай пить будете?

– Сволочи! – вырвалось вдруг у Марка, и снова из его глаз полились слезы.

Марк рыдал, а обиженный им проводник ушел в тамбур и нервно закурил «Беломорканал». Это была его первая самостоятельная поездка проводником без наставника, и поездка эта обещала быть трудной.

Глава 7

Время шло быстро. Уже начали приходить на Подкремлевские луга письма с майскими штемпелями. Уже птицы голосили всюду, заполняя своими криками и пением цветущие природные окрестности.

Солнце светило ярко, как прожектор. Воздух был чист и свеж.

И даже на щеках у Эква-Пырися появился неожиданный румянец, а на носу выступили едва заметные точки веснушек.

Настроение у обоих жителей Подкремлевских лугов было отменным. Неделю назад получил старик посылку от одного крестьянина из Грузии, а в той посылке было килограммов пять апельсинов, только не простых фруктов, а накаченных чачей. Старик первым заметил это – тонкий у старика нюх оказался. Но, будучи по природе добрым и общительным, сразу рассказал он обо всем Банову, и три дня после получения посылки ели они эти апельсины и там же у костра под вечер засыпали. Хорошо, что не простудились.

После того как апельсины закончились, появился у Кремлевского Мечтателя какой-то особый блеск в глазах. Стал он что-то говорить о карточных фокусах и все обещал Банову показать эти самые фокусы, как только солдат Вася колоду карт раздобудет.

Но Вася наотрез отказался принести сверху карты. Впрямую заявил, что игры в карты не уважает и считает социально вредными. Нечего было на это ответить старику, и он только вздохнул тяжело и на Банова посмотрел с сожалением.

Однако разговор этот имел необычные последствия. Уже на следующий день солдат Вася принес им коробку с домино и стал навязчиво предлагать сыграть в козла. Тут уже старик отказался, сославшись на множество неотвеченных писем.

Так и осталась эта коробка с костяшками домино лежать у костра.

А дни шли, приходили письма и посылки. Болели у Банова глаза из-за сотен и тысяч малограмотных трудночитаемых писем. Горел костер, и, гремя судком, подходил к нему три раза в день солдат Вася, присаживался, желал Банову и Эква-Пырису приятного аппетита, рассказывал о чем-нибудь и время от времени с особой тоской косился на лежавшую рядом на траве коробку домино, так и не тронутую до сих пор.

Глава 8

Зимней ночью, когда, уже наговорившись о разном и наспорясь о любви, заснули Захар и Петр, за окном дома заскрипел снег под чьими-то ногами, потом кто-то ругнулся, споткнувшись на пороге. И уже после этого в дверь забарабанили нетерпеливо и с силой.

Захар встал и, не зажигая лампы, пошел к двери, даже и не думая о том, кто это мог так вот посреди зимней ночи заявиться. Отпер дверь и только тогда попробовал разглядеть в темноте, кто это зашел и даже его, хозяина, с прохода оттолкнул.

А зашли двое, зашли и прошли в комнату.

– Кто тут? – спросил Захар.

– Кто-кто, лампу зажги да и увидишь! – произнес вроде бы знакомый, но немного забытый голос.

Захар чиркнул спичкой, зажег керосиновую лампу, после чего снова к потолку ее привесил.

Свет тускловатого опустил и осветил лица пришедших. Захар сразу узнал беглого бригадира строителей в его вечно грязном ватнике и еще одного строителя, с которым раньше никогда не разговаривал, однако лицо его помнил.

– Ну че, – заговорил бригадир пошатываясь. – Поглядел, теперь мяса давай!

Захар окончательно проснулся и теперь уже жалел, что так, не подумавши, отпер дверь. Оба строителя были пьяны, и казалось, долго на ногах им не устоять, а значит, никуда они отсюда до утра не пойдут.

– Ну, ты чего? – Бригадир начинал злиться, и на его лице, красном и одутловатом, появилось недовольное выражение.

Захар нехотя пошел в коптильню. Лязгнула, открываясь, тяжелая железная дверь-заслонка. В темноте протянул Захар руку, и сразу пальцы наткнулись на висевший на крюке теплый окорок. Взял его Захар обеими руками и снял с крюка. Выходить из коптильни не хотелось, было там приятно и тепло. Окорок этот он еще днем повесил разогреться да размягчиться, был он еще из осенних запасов. Собирался Захар его утром на холм отнести, чтобы всех он за завтраком порадовал, но неожиданный приход беглых строителей разрушал его планы.

– Ну, ты! – донесся до него голос пьяного бригадира. – Шевелись!

Вернулся Захар в комнату не с целым окороком, а только с маленькой его частью – вовремя вспомнил он, что есть у него в коптильне хорошо наточенное стальное лезвие, которым он всегда коптившееся мясо протыкал. Так что отрезал ломоть свинины, а остальное снова на крюк повесил.

– Кружки есть? – снова спросил бригадир, ставя на стол литровую бутылку.

Захар поставил на столешницу две кружки.

– Я не буду, – сказал он.

– А на хрен ты здесь нужен! – буркнул бригадир, разливая самогон по кружкам. – Ну, Степа, давай!

Выпили строители, закусили, еще раз выпили. Мясо доели.

– Еще неси! – сказал, не оборачиваясь, бригадир.

Но никто ему не ответил. Тогда он оглянулся и увидел, что вдвоем они бодрствовали, а Захар лежал на лавке и то ли спал, то ли спящим притворялся. Петр точно спал – его размеренное похрапывание ежеминутно нарушало тишину.

Беглый бригадир поднялся, уже стоя допил самогон из кружки и пошел к лежавшему Захару.

– Ну ты, сволочь! Мясо гони! Ишь пригрелся паразитом!

– Не дам больше! – отвечал Захар не вставая. – Это всем на завтрак, да и то один окорок остался.

Бригадир обернулся к своему собутыльнику, едва сидевшему за столом, и сказал:

– Ты слышал, Степа? Он нам мяса жалеет!

Потом наклонился и стащил Захара с лавки на пол. Стал бить ногами, приговаривая: «Мяса жалко? Да?»

Проснулся Петр, слез с печки и тут же тоже получил от бригадира. Упал. Бригадир, видимо устав их бить, вернулся за стол и снова налил самогона в кружки. Выпили они со строителем Степой, оба крякнули.

У печки застонал Петр. А Захар уже поднялся на ноги и смотрел на непрощенных гостей, празднично развалившихся за его столом.

– Сволочь! – заметив, что хозяин очухался, рыкнул бригадир. – Мяса давай! Шо мы, по морозу ночью в такую даль топали за так, шоб ты нас так встречал?

– Не дам я вам ничего, – твердо сказал Захар. – Убирайтесь!

Бригадир медленно поднялся с табурета и пошел к Захару. Но на полпути обернулся и крикнул:

– Степа, подмоги, их-то двое тут!

Степа тоже поднялся пошатываясь. Сперва вдвоем били Захара. Потом Петра, когда тот пришел в себя и попытался оттолкнуть пьяных строителей от неподвижно лежавшего коптильщика. Петра били долго, а когда он тоже залег на полу неподвижно – вынесли его на порог и с порога на снег сбросили. Сами же вернулись в комнату. Бригадир разлил остатки самогонки по кружкам – по полглотка вышло. Степа уже взял кружку в руку, но тут его бригадир остановил.

– Погодь! – сказал он протрезвевшим от злости голосом. – Давай с этим разберемся! Бери его за ноги!

Строитель послушно поднял Захара за ноги, а сам бригадир под руки хозяина подхватил и попятился в сторону сеней, однако там повернул не к выходу, а к железной двери-заслонке, ведущей в большую коптильню. Опустив Захара на пол, бригадир открыл тяжелую дверь.

– Темно тута, – сказал Степа полупьяно-полуиспуганно. – Так и лоб расшибить можна!

– Бросай! – скомандовал ему остановившийся внутри коптильни бригадир.

Глухо ударилось тело о каменный пол. Бригадир осторожно поводил руками в темноте, сделал пару шагов вперед, снова поводил и тут нащупал теплую стенку и торчащий из нее большой крюк для подвешивания располовиненных туш.

– Ага! – сказал он довольно. – Степа, ты где?

– Тут... – прозвучал рядом шепот строителя.

– Бери его за ноги!

Пока Степа поудобнее прихватывал ноги Захара, бригадир ногами пытался определить, где лежала голова хозяина коптильни.

Подтащив Захара к стене, они приподняли его, поставили, придерживая, рядом, потом дружно, под команды бригадира, приподняли его и что было сил бросили вперед, на невидимую стенку, из которой торчал большой железный крюк.

– А-а-а... – прозвучал в теплой темноте стон-выдох Захара.

– Пошли! – рявкнул на Степу бригадир, и они ошупью вышли из коптильни.

Бригадир задвинул тяжелую дверь-заслонку. Строитель, уже, казалось, тоже протрезвевший, хотел было сразу в сени, на порог и деру дать, но бригадир схватил его за плечо и толкнул в комнату. Сам тоже зашел, остановился перед печью, снял маленькую заслонку и увидел там только тлеющий жар. Рядом аккуратно лежали дрова. Бригадир стал их просовывать в печь и укладывать там поверх жара так, чтобы сильнее загорелись они огнем. Вскоре пламя зашипело поднимаясь. Уже не осталось у печки дров, и тогда бригадир закрыл заслонку и обернулся к стоявшему за его спиной побледневшему строителю.

– Теперь можем идти! – сказал ему и направился в сени.

Перед самым рассветом из человеческого коровника по нужде вышел один бывший красноармеец. Свежий морозец сразу прогнал из его головы сон. Он оглянулся по одинаково серым полупрозрачным, словно покрытым туманом, сторонам. И тут нос его учуял приятный сладкодымный запах. Принюхался красноармеец, и в животе у него заурчало от воспоминания о вкусной жирной пище. А тут еще проснулся от этого растворенного в воздухе запаха его мозг, и понял он, что только из одного места может попадать в воздух этот запах – из дома-коптильни Захара. Обошел красноармеец человеческий коровник, вышел на склон, с которого даже в этот предрассветный час виден был дым, летевший из трубы стоявшего на берегу замерзшей речки домика прямо в низкое промороженное зимою небо.

Оглянулся красноармеец на спящий человеческий коровник да и пошел вниз по склону, хрустя свежим чистым снежком. И чем ближе подходил, тем чаще слюну сглатывал. Наконец поднялся на порог. Постучал. Видел же он, что за окном, покрашенным морозными узорами, тускловатый свет горит. Никто не ответил на стук, и тогда красноармеец толкнул дверь лего-нечко, и она открылась. Прошел в сени.

– Эй, Захар! – крикнул.

А в ответ снова ничего не услышал.

Заглянул в комнату, увидел на столе пустую бутылку и две кружки. Покачал головой.

«Что ж это они только вдвоем да вдвоем!» – подумал скорее с недоумением, чем с завистью или обидой.

Потом решил, что пошли Захар с одноруким Петром погулять по морозцу после выпивки.

Вернулся в сени, выглянул мельком на двор, однако никого там не увидел и не услышал. А становилось ему уже холодно, ведь до ветру выскакивал, а значит, и не оделся как следует, просто на белье шинель накинул, а на ноги – сапоги без портянок.

«Ну ладно, – решил наконец красноармеец. – Раз их нет, от них не будет!»

Отпер тяжелую дверь-заслонку. Из коптильни ему в лицо сразу жар ударил обжигающий. Отскочил напуганный красноармеец. Переждал чуток, потом снова подошел к уже открытой двери-заслонке. Снова кожей лица жар ощутил, но с еще большей силой ощутил он в себе голод и, просунув лицо в коптильню, задержал его там на мгновение, проверяя свою стойкость. Было, конечно, там жарко, как в огне, но красноармеец не собирался отступить. Он открыл входные двери, впуская со двора холод, и теперь стоял как бы между холодом и жаром, все время придвигаясь поближе к открытой двери-заслонке. Наконец показалось ему, что сможет он туда пробраться. И тогда вытащил он из шинельного кармана нож-самоделку, зажал его поудобнее в руке и, набрав полную грудь прохладного воздуха, бросился в коптильню. Там уже вслепую, подгоняемый обжигающим жаром и боязнью быть пойманным вернувшимися хозяевами, нащупал он висевшее с крюка мясо и, найдя кусок поудобнее, с длинной костью, выкрутил его из сустава и потом уже своим ножом обрезал нащупанные сухожилия. Выскочил с этим куском на спасительный холод и поспешил, на ходу вгрызаясь зубами в горячее копченое мясо, вверх, на вершину холма.

До позднего зимнего рассвета было еще далеко, но свет в окошках человеческих коровников уже зажегся. Захлопали наверху двери, доярки, громко разговаривая, спешили по снегу в коровий коровник. Проснулись Новые Палестины, и жизненный шум, возникший от этого, разбудил заснувшего на снегу и чудом не замерзшего Петра. Открыл он глаза и увидел перед собой красный снег. Дотронулся рукой до разбитых губ и вдруг встревоженно оглянулся на дом, увидел настежь открытую дверь. Встал на ноги. Шатаясь, поднялся на порог, зайдя в сени, закрыл за собою дверь и удивился, как холодно было в доме. В комнате подошел к печи, снял заслонку. Там уже догорали последние головешки. Вернулся в сени, принес оттуда охапку дров, проследил, как взяли они в печи сильным шипящим пламенем. Вспомнил о Захаре, огля-

нулся по сторонам. Но Захара нигде не было, а самого Петра снова покидали силы, и он, опустившись на пол у печки, там же и заснул, ощущая кожей движение возвращающегося в дом тепла.

Глава 9

Время шло, а Таня Селиванова все не приезжала.

С наступлением осени пошли дожди, и природа, одуревшая от летнего солнцепека, наконец ожила. Трава и листья на деревьях налились зеленью.

В Краснореченск снова приехал ОРСовский поезд-универмаг, и каждый вечер вокруг его вагонов-отделов толпились люди. Больше всего людей было у вагона с надписью «Одежда».

Добрынин тоже подходил туда пару раз. Купил себе ботинки на зиму и в вагоне «Консервы» купил несколько банок сгущенного молока.

Жил он снова у себя в квартире, хотя и хранил в кабинете два одеяла: на всякий случай. В комнате у него теперь стояла только одна кровать – вторую, на которой спал Ваплахов, забрали школьники. Дело было в том, что Краснореченская средняя школа решила организовать музей Дмитрия Ваплахова, и уже несколько раз приходили к Добрынину пионеры и комсомольцы, просили передать им личные вещи Ваплахова. Потом стали приходиться юнкоры с блокнотами, и сидели они на кухне с народным контролером допоздна. Добрынин поил их чаем и рассказывал о своем погибшем друге, а они строчили мелким почерком эти рассказы в блокноты, составляя, таким образом, героическую биографию. Несколько раз сам Добрынин ходил в школу, чтобы выступить перед детьми, и теперь на улице его часто окликали школьники, здоровались, подбегали, чтобы пожать ему руку.

Время шло. Дожди продолжались, и продолжалась жизнь, заполненная трудом и мыслями.

Если вечер выдавался тихий, Добрынин садился на кухне. Садился и читал. Или чьи-нибудь стихи из своей большой уже библиотеки, или третий том книги про Ленина.

В этот вечер он раскрыл книгу про Ленина. Так много было связано в его жизни с этим именем. С именем Ленина, или, как его называли на Севере – Эква-Пырисем. И сам он свою жизнь сравнивал с его жизнью, и свои мысли – с его мыслями. И радовался, замечая, как похожи были их мысли, но потом понимал, что его, Добрынина, мысли – это то, чему он научился от Ленина. И все равно радовался, но радовался скромно и тихо.

Дождь перестал, но воздух был пропитан влагой. Добрынин закрыл окно и перевел взгляд на шелестящие страницы книги. Полистал, отыскивая последний прочитанный им рассказ. Нашел и с трепетом перевернул страницу.

Следующий рассказ назывался «Ленин и море».

Добрынин никогда в своей жизни моря не видел и тем с большим интересом принялся за чтение.

«В редкие моменты отдыха Ленин любил приезжать на море, в маленький городок на южном берегу Крыма. Приезжал он туда без друзей и соратников и очень часто даже не предупреждал их о своем отъезде. Бывало, приедет, поселится у какой-нибудь татарки под именем Николаева или Петрова, а потом ходит-гуляет по набережной или на скамейке сидит и на море смотрит. А море каждый день разное. Ходил так Ленин, по набережной гулял и однажды, сидя в кофейне, разговорился с одним местным рыбаком. Рыбака звали Митрич, было ему уже лет семьдесят. Понравился Митричу искренний интерес собеседника к рыбацкому делу, и пообещал он Ленина с собой в море взять.

Условились они встретиться с рассветом.

Море с утра было спокойное, гладкое.

Ленин пришел первым, а потом и Митрич подошел. Лодка у Митрича была небольшая, весельная.

Выгребли они на середину моря и закинули удочки.

Митрич был рыбаком опытным, и поэтому у него сразу клев начался, хотя вроде бы и удочки одинаковыми были, и наживка.

– Почему это так, голубчик? – спрашивает удивленный Ленин. – И у тебя червяк на крючке, и у меня, а клюет только у тебя.

Усмехнулся на эти слова Митрич.

– Меня, говорит, рыба уже знает. Я, видно, и сам за все годы рыбой пропах. А ты для нее человек новый, откуда ей знать, что у тебя на уме?

Так и вышло у них. Поймал старик десять рыбин больших и ведро мелюзги, а Ленин ничего не поймал.

Вернулись они после обеда. Там же на берегу какой-то рыботорговец купил всю рыбу у Митрича за червонец. Обрадовался Митрич и решил приятного собеседника в кофейню пригласить.

Снова пришли они в кофейню на набережную, где накануне познакомились.

Только теперь уже Митрич заказывал официанту. Заказал он каждому по кофе и по заварному пирожному.

Сидели они и снова о море говорили.

Вдруг слышит Ленин: мальчишка-газетчик по набережной бежит и кричит на ходу: «"Правда"! Кому "Правду"!»

Извинился Ленин, вышел и купил газету.

Полистал, почитал «Правду» и понял, что пора назад в Кремль. Понял, что много еще дел впереди. Но перед тем как идти к татарке свои вещи собирать, вернулся он в кофейню и крепко пожал на прощанье руку Митричу. «Спасибо за науку!» – сказал и в Москву уехал».

Закрыв Добрынин книгу и задумался. Мысленно искал какой-нибудь смысл прочитанного, но что-то мешало этому поиску. Что-то отвлекало Добрынина, и он, не удержав под контролем разума поток мыслей, отпустил его. И сразу все стало ясно. Отдых – это слово, как магнит, перетянуло к себе такие, казалось, правильные целенаправленные мысли.

«...Ленин отдыхал, а я нет... и никогда на море я не был... пирожных не ел...» – Мысли Добрынина вышли полностью из-под контроля разума и плясали теперь в голове народного контролера дико и разнузданно.

Стыдно стало Добрынину за них, да и за себя. И он напрягся, пытаясь подумать о чем-нибудь другом, чтобы отвлечься от отдыха и пирожных, попробовал подумать о труде; но отдых снова перетянул мысли к себе. И тогда Добрынин задумался об урку-емце.

И все стало на свои места. И проявился у рассказа смысл, смысл-совет, смысл как руководство к действию.

«Надо показывать искренний интерес к тому, чем занимаются люди!» – сказал сам себе Добрынин.

А за окном шуршал листьями деревьев прохладный осенний дождь.

Было темно и тихо.

Глава 10

С переселением в бывшую камеру-одиночку Марка Иванова тюремная жизнь Юрца заметно улучшилась. Теперь вся плата за выступления попугая перед зэками доставалась ему одному, и он уже думал о том, чтобы научить попугая новым зэковским стихам. Припас для этого тетрадку со свеженькими творениями тюремных поэтов. Однако специально не спешил – свобода Юрцу не грозила еще лет восемь, хотя планы он на свободу уже имел. И даже знал, чем там, на этой свободе, займется. А займется он тем же самым, чем собирался заниматься до заключения: будет обучать попугая стихам и водить его по зэковским «малинам», чтобы веселить всех уголовных жителей большой страны: от шестерок до воров в законе. Воры – народ щедрый, а если им что-то понравится, наградят от души. Ну а уж попугай им точно понравится – в этом у Юрца сомнений не было. Он даже придумал сам себе новую кличку – «Попугайщик». Был уверен, что приживется она мгновенно и заменит надоевшую ему, неприятную нынешнюю кличку, принесенную в тюрьму с воли, – «Юрец-Тонкий конец». Нравилось ему, что в новой кличке явно слышится слово «пугать», оно даже громче слышится, чем «попугай»!

Пытаясь научить попугая новому репертуару, Юрец столкнулся с непредвиденными трудностями. Оказалось, что попугай не умеет читать! Это Юрец понял после зря потраченных двух часов, на протяжении которых он, зажав в правой руке лапы попугая, тыкал его бестолковой сине-зеленой головой в раскрытую в нужном месте тетрадь. Попугай смиренно закрывал глаза и терпеливо ждал, когда экзекуция закончится. Намучившись и наматерившись, Юрец сунул попугая Кузьму обратно в клетку, и тут вспомнил он, что Марк Иванов, этот артист убудочный, стихи попугаю вслух читал! Вот как, значит, его учить надо, – понял Юрец и огорчился. Читать он не любил ни вслух, ни молча. Но конечно, раз уж от этого не уйти, так уж лучше отложить это дело на какое-нибудь будущее, и чем более дальнее, тем лучше.

Наступила осень, но особенно это в тюрьме не почувствовалось. Зарешеченное окошко находилось высоковато, да и не было у Юрца интереса выглядывать наружу в поисках природы – определителя времени года.

Дверь в его камеру никогда не закрывалась – сохранил за ним начальник тюрьмы Крученый право на свободное шлянье по учреждению. Но осень, не та, что на воле, а другая, сентиментально-душевная, держала Юрца в камере. Словно бы чувствовал он, что отдохнуть ему надо немного. Потосковать о чем-нибудь. Вот и сидел, то на птицу придурковатую глядел злобно, то о неизвестной женщине-блондинке мечтал, для того чтобы мужчиной себя ощутить.

Однажды вечером, когда как раз он о женщине-блондинке мечтал, в дверь постучали. И Юрец сразу сел на нары, выпрямив спину, и выжидательно уставился на дверь.

Зашел Крученый. Лицо озабоченное, глаза красные.

«Чего это он не спит, гад?» – подумал Юрец, а сам улыбнулся приветливо начальнику тюрьмы – все одно легче, чем «здрассте» говорить.

– Ну? – спросил, зайдя, начальник.

– Ничего, – сказал Юрец. – Я приболел тут, так почти никуда не ходил, никого не видел.

– Приболел? Может, в санчасть тебя? – Крученый подошел ближе.

– Да не, простуда...

– Тверин умер, слышал?..

Юрец отрицательно мотнул головой.

– Не слышал... – констатировал Крученый. – Большие перемены будут...

Юрец напрягся. От перемен, особенно больших, он ничего хорошего не ждал.

Крученый застегнул на своей гимнастерке две верхних пуговицы, потянул жилистую шею, потом снова схватился руками за воротник и верхнюю пуговицу расстегнул.

– Жмет, подлая, – пробормотал он.

Присел рядом с Юрцом на нары.

– Ты на волю хочешь? – спросил он, ехидно глядя прямо в маленькие звериные зрачки Юрца. – Хочешь?

Юрец осторожноничал. Видел он, что Крученный находится в каком-то странном состоянии, и дерзить или говорить резко с ним сейчас было опасно.

– Ну, может, хочу, – проговорил Юрец. – Маму повидать бы...

– Врешь, – оборвал его начальник тюрьмы. – Нет у тебя мамы...

– Ну нет, – согласился Юрец, понуро опустив голову, играя теперь на жалость.

Но как и у Юрца, у Крученого жалости не было.

– Короче, хочешь на волю? – спросил снова Крученный.

– Хочу...

– Ну и иди на хер, – сорвался на грубость начальник тюрьмы. – Завтра амнистию объявляют...

– Честно? – обрадовался внезапно Юрец.

– Честное тюремное, – мрачно сказал Крученный.

Юрец скривил тонкие лисьи губы. Не понимал он: шутит Крученный или правду говорит.

– А может, останешься? – с улыбочкой спрашивал начальник тюрьмы. – Камера у тебя хорошая, жратва даром, дверь открыта...

Почувствовал вдруг Юрец, что эта амнистия от самого Крученого зависит, и поэтому тот наглеет так. Понял Юрец, что если не будет сейчас настаивать, доказывать, что хочется ему на волю, то останется здесь и дальше, до конца длинного срока.

– Я ж хочу выйти и завязать, – заговорил он миролюбиво.

– А что ж ты делать умеешь? – поинтересовался Крученный.

– Да вот хочу, как тот артист, с попугаем выступить! Тоже артистом стану... – И, увидев ехидство на припухлом краснокожем лице Крученого, спросил осторожно: – А птицу по амнистии выпустят?

– А амнистии все равно, зверь ты или птица. Выпускают по статьям, а не по морде. Выпустят птицу, ее статья подходит...

Юрец уже был почти полностью уверен, что все, о чем говорит Крученный, правда. А значит, совсем скоро он вместе с попугаем окажется на свободе. Найдут себе какую-нибудь хавыру для начала, а потом пристроятся получше. По «малинам» ездить будут на гастроли. Водка, мясо, пиво, женщина-блондинка... Все станет настоящим, и не надо будет об этом мечтать, ведь никто не мечтает о том, что у него уже есть!

Крученный посидел, еще про что-то говорил, жаловался, что почти один в тюрьме останется. Юрец еле сдержался, чтобы не посоветовать ему перебраться в эту камеру-одиночку в связи с его, Юрца, отбытием. Но, слава эковскому богу, промолчал, и ушел Крученный из камеры в таком же настроении, как и пришел, не хуже.

А через три дня амнистия подтвердилась, и объявили Юрцу, что выпускают его через неделю, когда все его волчьи бумаги будут подготовлены тюремной канцелярией.

Услышав про канцелярию, Юрец сплюнул. Знал он эту канцелярию: две бабы на одну печатную машинку – мать и дочка-полоумок, жена и дочь малорослого надзирателя Икоткина, которого эки меж собой называли Исукин. Пока эти две дуры все бумажки отпечатают, может не одна неделя пройти.

Но прошла неделя, и справку об освобождении принесли Юрцу прямо в камеру. Вместе с чемоданом и перевязанной бечевкой пачкой денег, заработанных без мозолей, но хитростью, ушами и языком.

Юрец почувствовал весь шик момента и стал специально медленно собираться. Долго завязывал и перевязывал шнурки на старых лаковых туфлях, вызывая недовольство надзирателя. Потом проверял под нарами – не оставил ли чего. Потом просил деланно надзирателя:

если что найдет оставленное им, Юрцом, чтобы Крученому передал, а тот чтобы хранил до следующего раза.

Наконец железная дверь тюрьмы закрылась, и Юрец первым делом посмотрел на полуденное небо, на солнце, покрасневшее сгоряча, пытаясь разогреть эту уже пожелтевшую листьями осень. Потом опустил Юрец глаза и увидел перед собой трех среднего возраста мужчин в костюмах с галстуками, а за ними – черную машину, в каких начальство возят. От неожиданности и недопонимания опустил Юрец клетку с попугаем и чемодан с шестью тысячами рублей на булыжник.

А мужчины стали медленно подходить к нему. И только один из них, светловолосый, лет тридцати, высокий, на голову выше Юрца, только он слегка улыбался. А остальные подходили молча, с обеих сторон, словно бы отрезая ему путь к побегу.

«И это воля? – пронеслась в голове у Юрца загнанная, харкающая кровью мысль. – Это – воля?!»

– Гражданин Хайлуев? – спросил вежливо светловолосый.

– Да, – с хрипотцой, неожиданно возникшей в горле, ответил только что вышедший на свободу.

– Юрий Григорьевич?

– Да.

– Садитесь в машину, – улыбаясь сладко, как афишная женщина, приглашающая с заборов хранить деньги в сберегательной кассе, произнес светловолосый.

Юрец бросил два быстрых взгляда по сторонам. Но бежать не хотелось. А потом: как бежать – с чемоданом и клеткой или налегке? Без них он бы еще и удрал, наверное. Но это ломало все планы на будущее. А с клеткой ему не убежать.

И, понуриив голову, взял Юрец в руки клетку и чемодан и зашагал к машине. А по бокам шли эти двое молчаливых. Один из них открыл ему дверцу и перехватил из его рук чемодан, пока он впервые в своей жизни садился осторожно в черный, начальственного вида автомобиль.

Глава 11

После тяжелого дня лег Банов на подстилку из сухой травы в своем шалаше и заснул. Уже засыпая, чувствовал, как пальцы болят – не меньше пяти десятков писем написал он в тот день от имени Эква-Пырися.

Где-то рядом за сложенной из веток стенкой шалаша ухал филин.

Старик Эква-Пыришь сидел у костра и задумчиво сжигал прочитанные письма – те, которые он почему-то считал «личной перепиской».

Последнее время настроение старика стало быстро изменчивым. Он то вспыхивал, сердился ни с того ни с сего, то так же резко и неожиданно успокаивался и умиротворялся. Стал больше интереса к письмам проявлять. Брал ворох бумаг, исписанных разными почерками, тех, что уже прочитал Банов, и, посчитав их пустыми и бесполезными, складывал в одну стопку. Перечитывал самолично, потом несколько из этих писем забирал из стопки и ночью, когда Банов спал, сжигал их.

Снова заухал филин рядом с шалашом Банова.

Кремлевский Мечтатель оглянулся, посмотрел на невидимую в ветвях деревьев птицу и сказал: «Мда-а».

Банов засыпал. После трудного дня ему всегда легко засыпалось. Иногда он только ложился и уже засыпал, не успевая сознательно выбрать удобную для сна позу.

Чистейший еловый воздух щекотал ноздри, пробирался в легкие и там уже «плавал» из правого легкого в левое и назад, понимая значение собственных движений для жизнедеятельности человеческого организма.

Пробирался он и выше, в мозг, где становился частью сна, сна, уже полностью охватившего Банова.

Там, в этом сне, солнечным летним утром, вдыхая полной грудью этот мятный еловый воздух, шел Банов на опушку, давно уже знакомую, шагах, может, в пятидесяти от шалаша Эква-Пырися. Шел и смотрел на только предыдущим вечером достроенный деревянный дом. Смотрел и гордился, что вот он сам, бывший пулеметчик и директор школы, сам, своими руками без чьей-либо помощи, построил этот уютный небольшой деревянный дом.

Обошел Банов дом во сне несколько раз, полюбовался им. Правда, окна были еще не застеклены, ручек на дверях не хватало, но уже договорился он с солдатом Васей, что принесет солдат сюда вниз несколько стекол, а ручки и прочую мелочь вышлет с главпочтамта посылкой по адресу: «Москва, Кремль, Эква-Пырисю». Так оно намного надежнее.

Зашел внутрь. Потопал ногами по деревянному настилу пола – хороший глухой звук издал пол под ногами Банова – крепкие доски, сороковки!

Наклонился, проверил щели под рамами, ладонь подставил, проверяя, есть ли сквозняк там. Но сквозняка не было, ведь законопатил Банов все щели разорванными на тряпки «подарочными» костюмами Эква-Пырися. И вот тут уже Банов втихомолку порадовался, что все эти костюмы, присланные Кремлевскому Мечтателю, были такого огромного размера. Все, конечно, кроме того, который они купили вместе с Кларой и прислали ему и который, собственно, носил старик до сих пор.

Осмотрев внимательно дом и закрыв входную дверь, постоял Банов с минуту на порожке сосновом, на небо посмотрел, на солнце.

Благостное настроение на душе у него возникло.

Но вспомнил тут он, что сидит сейчас старик один у костра. Сидит, наверно, и его, Банова, ждет. Уже, должно быть, и почту принесли. И Вася-солдат, должно быть, со своим судком подходит, посвистывая на ходу.

Вернулся Банов к костру и действительно два холщовых мешка с почтой увидел. Взял тот, что с письмами был, и, удостоверившись, что Вася завтрак еще не принес, вытащил связанные бечевкой пачки писем, разложил их на траве перед собой и заметил, что среди пачек этих одна бумажка как бы отдельно лежит. Взял, развернул, прочитал:

«Телеграмма. Уважаемый Эква-Пырьсь. Приезжаю воскресенье встречайте. Клара Ройд».

Прочитал. Сразу пот холодный на лбу выступил.

«Как приезжает, на чем? Когда?» – посыпались на Банова мысленные вопросы.

И потому, что не мог он на них ответить, и понять он не мог – как это она может сюда, на Подкремлевские луга приехать, задрожал Банов во сне, задрожал и проснулся в ужасе. И действительно, на лбу его холодный пот был, и голова немного болела, словно от простуды. И насморк в носу откуда-то возник.

Ругнулся Банов шепотом, встал с подстилки, выглянул из шалаша.

Тихо было вокруг. Едва проглядывала за деревьями огненная точка костра.

Придавил Банов указательным пальцем правую ноздрю, наклонился немного и высморкался что было силы и воздуха в легких.

Тут же, видно испуганный этим непонятным шумом, захлопал крыльями, взлетая, филин. Захлопал крыльями и заухал на лету, удаляясь от этого странного места.

Банов подождал возобновления тишины и, когда она наступила, высморкал и правую ноздрю.

Вернулся после этого в шалаш, лег на спину и задумался о Кларе Ройд и об этом удивительном солнечном сне, только что увиденном.

Глава 12

Рано утром в субботу, когда Добрынин еще крепко спал, в дверь настойчиво постучали. – Кто там? – не вставая, хрипло крикнул народный контролер.

– Телеграмма!

Пришлось подняться.

«Приезжаю, встречайте субботу 17 октября Таня Селиванова».

Добрынин пошел на кухню, поставил чайник на плиту и снова перечитал телеграмму.

До него постепенно дошло, что приезжает Таня сегодня, в эту самую субботу.

«Ладно, – спросонок решил Добрынин. – Выпью чаю и пойду встречать...»

На кухне было прохладно. Настенные часы показывали восемь, но кукушка не вылетала. Эти часы он купил недавно, купил, чтобы напоминали они ему о служебной квартире в Москве, о Марии Игнатьевне. Но что-то было с ними не в порядке, надо было отдать в ремонт, но никак не находил для этого Добрынин времени.

Он сидел на кухне за столом, сидел в одних черных трусах и майке и ждал, когда закипит вода.

Окончательно проснувшись, он еще раз внимательно посмотрел на телеграмму. Посмотрел и понял, что в телеграмме не указано ни места встречи, ни времени приезда.

Пока пил чай, обжигая кипятком губы, решил, что встречать начнет Таню с утра на улице у своего дома. Адрес она знала, иначе б не прислала телеграмму.

Побрившись и одевшись аккуратно, Добрынин вышел на улицу и стал медленно прогуливаться вперед и назад, стараясь не отходить далеко.

На улице было сухо и даже солнечно. Листья уже пожелтели и частично опали.

Добрынин рукой проверил, хорошо ли завязан галстук. Он только недавно научился его завязывать и теперь каждый раз нервничал, проверяя на ощупь аккуратность узла. Если б не Лимонов, директор спиртзавода, не купил бы он ни галстука, ни этого темно-синего костюма. Но Лимонов вызвал его как-то и сказал: «Ты, Павел, так часто выступаешь, ну там перед детьми... и работа у тебя ответственная, а одеваешься, как при военном коммунизме».

Денег у Добрынина к тому времени накопилось много, вот он взял и купил костюм, когда поезд-универмаг снова приехал в город на пару дней.

Провел рукой по щекам, проверяя их выбритость. Кожа на щеках была гладкой, но дрябловатой. Добрынин горестно подумал о своем возрасте, но уже через мгновение шикнул на себя мысленно: «Что я, баба, что ли, чтоб о возрасте думать?»

Гулял он под своим домом долго, аж пока около полудня не показался на пустой улице военный «газик».

Что-то екнуло в сердце у народного контролера. Что-то подсказало ему, что это Таня Селиванова едет.

Остановился он, подождал. И действительно, через минуту из «газика» выскочил молодой офицер и подал руку сидевшей там женщине. Добрынин сразу узнал ее. Она почти не изменилась: те же короткие рыжие волосы, та же сильная спортивная фигура.

Одета Таня была в зеленое пальто. Увидев Добрынина, она сразу подошла, радостно пожала ему руку.

– Здравствуйте, товарищ Добрынин, – сказала она.

Молодой офицер тоже подошел к Павлу.

– Ну вот, – сказал он улыбаясь. – Доставил в целости и сохранности, как полковник Соколов приказал.

Добрынин посмотрел на юношу.

– Передайте привет полковнику Соколову, привет и большое спасибо за помощь! – сказал Добрынин. – Замечательный он человек, вы на него равняйтесь, товарищ офицер!

Офицер кивнул, потом отдал честь и пошел к машине.

– Ой! – Таня всплеснула руками. – А вещи!

И побежала следом за офицером.

Вернулась с добротным фанерным чемоданом, обшитым брезентом.

– Ну, пойдете пока ко мне, отдохнете с дороги! – пригласил ее к парадному Добрынин.

Некоторое время спустя они вдвоем подходили к Краснореченской средней школе. Остановились перед центральным входом.

Там, слева от дверей, под вывеской школы висела еще одна красная табличка под стеклом: «Музей Дмитрия Ваплахова».

Остановившись перед этой табличкой, Таня Селиванова постояла минутку молча, склонив голову.

Сначала зашла к директору школы, товарищу Зимовцу.

Товарищ Зимовец, а звали его Алексей Алексеевич, имел очень сонный вид.

– Извините, – сказал он. – Я не ожидал вас... Пришлось здесь заночевать вчера. Очень много работы. Да вы садитесь!

– Спасибо, – чуть стеснительно произнесла Таня. – Нам бы музей посмотреть... Я здесь первый раз...

Добрынин подошел к Зимовцу и что-то прошептал ему на ухо.

Директор изменился в лице и посмотрел на Таню с большим уважением.

– Вот, возьмите ключ, посмотрите, а потом здесь чаю выпьем. Я пока уберу немного... –

И он показал рукой на заваленный бумагами стол.

Музей располагался на первом этаже в большой комнате рядом со школьной столовой.

Добрынин открыл двери, и они зашли внутрь.

Таня сделала два шага, остановилась и осмотрелась.

Добрынин остановился за ее спиной, не желая ее беспокоить и отвлекать от возможных мыслей.

На стенах висели десятки фотографий и документов.

Отдельно в дальнем левом углу под стеклом лежала одежда и личные вещи Дмитрия. В дальнем правом углу стояла его кровать.

Таня медленно прошла вдоль ряда фотографий. Добрынин следовал за ней.

На фотографиях была запечатлена история спиртзавода, портреты ударников, в том числе Дмитрия и самого Добрынина. Там же была фотография спасенного мальчика.

Подошли к личным вещам Ваплахова.

– Вот этот пиджак и кепку он купил в Сарске с первой зарплаты, – сказал Добрынин.

Таня обернулась и кивнула.

– Вы ведь его давно знали, – сказала она.

– Да, – ответил Добрынин. – Мы с ним на Севере подружились. Он мне там жизнь спас... Сейчас юнкоры школы его биографию пишут. Говорят, что потом ее в газетах напечатают.

Таня кивнула. Подошла к кровати.

– Он на ней спал? – тихо, почти не шевеля губами, спросила Таня.

– Да, – сказал Добрынин.

Таня снова кивнула.

Пошли дальше, и вдруг Таня остановилась перед лежавшими под стеклом двумя надкушенными сухарями. Остановилась и перевела удивленный взгляд на Добрынина.

– Это не его, – немного смутившись, объяснил Павел. – Это мои... Один из них как-то товарищ Тверин надкусил, а второй... второй я уже не помню кто, милиционер, кажется, в Кремле. Вот школьники упростили меня их в музей отдать. История, говорят.

После посещения музея поднялись на второй этаж, выпили чаю с директором школы.
– Заходите еще, – сказал на прощание товарищ Зимовец. – Обязательно заходите.
Пообедали они в городской столовой.

Потом Добрынин отвел Таню на аллею Славы, к могиле Дмитрия Ваплахова. По дороге они купили в магазине искусственных бумажных цветов.

Таня Селиванова аккуратно разложила их на холмике и тут уже не сдержалась, заплакала. Добрынин отошел в сторону, чтобы не мешать.

На душе у него тоже было тяжело, и так ясно вдруг припомнился тот трагический день, когда погиб Дмитрий.

А осеннее солнце безразлично светило. Было прохладно и чуть ветрено.

Ближе к вечеру Добрынин привел Таню на окраину города, на улицу Дмитрия Ваплахова.

Она с печальным интересом осмотрела два новых, уже заселенных дома и третий, еще недостроенный.

– Там дальше по улице построят магазин и детский сад, – показывая рукой в вечернюю даль, говорил Тане Добрынин. – Я видел план города. Через семь лет здесь пустят трамвай.

Таня слушала народного контролера, но одновременно думала о другом. Думала о Дмитрии Ваплахове, о его любви к ней, о его трагической смерти. Только сейчас она начинала понимать, как могла бы измениться ее жизнь, если б не погиб этот симпатичный седой мужчина. Только сейчас она осознавала, что жизнь – это не только ударный труд, не только подруги и собрания, но и любовь, настоящая горячая любовь, для которой, как для кипящей стали, нет никаких преград. И вот эта любовь была так близко, была рядом и не досталась Тане. Она не досталась никому, но это не уменьшало запавшую Тане Селивановой в душу горечь. Эта любовь сторела, никого не согрев.

Снова слезы покатались по щекам девушки.

Назад они шли молча.

– Ты, Таня, здесь ночуй, а я на завод пойду, – сказал Добрынин. – У меня там в кабинете раскладушка есть и два одеяла. Там, на кухне, крупа и картошка, свари себе чего-нибудь поесть. А утром я приду. Если холодно будет – там в шкафу шинель возьми.

Таня кивнула и отошла к окну. Посмотрела на безлюдную улицу.

Добрынин воспользовался моментом и быстренько вытащил из-под подушки чистую майку. Положил ее в свой рабочий портфель.

По дороге на завод Добрынин немного злился на себя. Причина была мелкой, но все-таки честный до щепетильности народный контролер переживал. Зачем он соврал Тане про раскладушку? Разве была в этом серьезная необходимость? Одно дело, если б надо было обмануть безвредно по-ленински, но с какой-нибудь полезной целью. А тут! Ведь не спрашивала она об этом!

На проходной перекинулся словами с одним из ВОХРы.

Тот был немного удивлен, ведь Добрынин уже недели две не ночевал на заводе.

Добрынин объяснил ему, в чем дело, рассказал про Таню, и вохровец все понял.

Когда утром Добрынин вернулся домой, к своему удивлению, кроме Тани застал он трех знакомых юнкоров. Вместе с Таней они сидели на кухне за столом, что-то записывали.

Увидев Добрынина, мальчики поздоровались, встали из-за стола.

– Сидите, сидите! – остановил их Добрынин. – Что это вы так рано?

– Нам директор про товарища Селиванову сказал, вот мы и прибежали, – объяснил один из юнкоров. – Боялись, что товарищ Селиванов уедет сегодня.

– А-а, – закивал Добрынин. – Ну правильно.

Юнкоры вскоре ушли.

– Как спалось? – спросил Добрынин.

– Хорошо. Спасибо, – сказала Таня. – Я, товарищ Добрынин, не спала. Я всю ночь думала. И вот решила, если можно, взять себе фамилию Дмитрия... в память о нем. Можно? Вы ведь самый близкий его друг...

Добрынин озадаченно глянул на Таню, потом задумался.

«Вот, – думал он, – товарищ Калинин взял, помнится, фамилию Тверин, но это же по просьбе жителей Твери. А тут совсем другое...»

– Надо с директором завода поговорить, – неопределенно ответил народный контролер. – Наверно, это можно, но я не знаю как. Ты когда назад поедешь?

– Меня до четверга отпустили, – сказала Таня. – А можно с директором сегодня поговорить? Можно?

Добрынин пожал плечами.

– Наверно, можно, – сказал он помедлив.

Однако поговорить с директором им в этот день не удалось. Ни дома, ни на заводе его не было.

Усталые, найдя пешком по городу, Таня и Добрынин вернулись в квартиру.

Таня сварила картошки, и они сели ужинать, но вдруг в дверь постучали. Пришел корреспондент «Балабинской правды». Он признался, что о Тане узнал от юнкоров, и очень хотел написать о ней.

Его пригласили к столу. Сваренную для двоих картошку разделили на троих.

Корреспондент больше спрашивал, чем ел. А когда он услышал, что у Тани с собой есть письма Ваплахова, вскочил из-за стола. Глаза его горели.

– Покажите мне их, пожалуйста! – попросил он.

Таня принесла ему оба письма.

Корреспондент жадно перечитывал их.

Добрынину этот человек показался неприятным. Он уже встречался с ним пару раз на заводе, но никогда он не был таким навязчивым, как в это воскресенье.

– Вы разрешите мне их взять... для газеты? – попросил корреспондент.

– Нет, – удивительно твердо произнесла Таня.

«Молодец! – подумал про нее Добрынин. – Так с ним и надо».

Корреспондент выглядел растерянным. Казалось, он первый раз в своей жизни услышал это короткое, но такое емкое слово.

– Но хоть переписать из писем... можно... только пару строк?

– Перепишите, – сказала Таня.

За столом сразу стало тихо.

Корреспондент спешил, карандаш в его руке дрожал.

Добрынин доел картошку и думал о Тане. Думал хорошо и одобрительно. Ему понравилась мысль девушки об изменении фамилии. Это правильно, думал народный контролер, ведь детей у Мити не было, а значит, фамилия его как бы пропадет в мире, ведь больше ни у кого нет такой. Сколько там этих урку-емцев было, в ЦК... если это правда...

На следующий день с утра Добрынин с Таней пошли к директору спиртзавода Лимонову. Им пришлось подождать около часа – товарищ Лимонов проводил еженедельную летучку. Стоять под дверями директорского кабинета не хотелось, и Добрынин провел Таню по цехам, рассказывая о заводе. Показал ей заводской музей. Таня смотрела и слушала рассеянно.

Рассказывая, Добрынин боялся, что Таня попросит показать ей место гибели Дмитрия. Но она не попросила. Может быть, она вообще не слушала, думая о чем-то другом.

А некоторое время спустя они уже сидели в директорском кабинете.

Лимонов сначала немного нервничал. Сразу после знакомства стал оправдываться перед Таней, объясняя, почему на могиле до сих пор нет памятника. Но потом увидел он, что никаких претензий к нему нет, и расслабился. А когда услышал о желании Тани взять фамилию

Дмитрия – посмотрел ей в глаза, потом в глаза Добрынину. Понял, что дело это серьезное, но опять же, при полном своем одобрении желания этой симпатичной рыжеволосой девушки, как поступить не знал. Во время раздумий взгляд его упал на черный телефон, напрямую связывавший директора с секретарем горкома. Сразу появилась в товарище Лимонове решительность. Он снял трубку, сделал два глубоких вдоха и набрал короткий, из двух цифр, номер.

– Товарища Куняева товарищ Лимонов, – сказал он кому-то.

Через несколько секунд лицо его изменилось – появилась в нем отточенная серьезность и сосредоточенность. Он вкратце изложил товарищу Куняеву ситуацию, потом долго слушал кивая.

– Хорошо, – сказал он наконец. – Я буду в кабинете ждать звонка. Спасибо.

И аккуратно положил черную трубку.

– Может быть, – сказал товарищ Лимонов, поигрывая пальцами по поверхности стола. – Это, оказывается, дело паспортного отдела и милиции. Товарищ Куняев сейчас все разузнает и перезвонит. А вы пока о себе расскажите! – обратился он к Тане.

Таня нервничала. Рассказывала сбивчиво, и поэтому жизнь ее казалась какой-то непонятной. Тут Добрынин ее выручил. Рассказал, как они с Дмитрием с ней познакомились. О зашитых папиросах и записках рассказал. А потом, посмеиваясь, признался, что сам взял с нее пример, когда товарищу Тверину в подарок шинель посылал.

– Ну и что товарищ Тверин? – заинтересовался, усмехнувшись, Лимонов.

И тут зазвонил черный телефон. Усмешка на лице директора завода уступила место серьезному выражению.

Он снял трубку и только слушал и слушал, ничего не говоря.

Таня снова вся напряглась. Добрынин тоже напрягся, за нее переживая.

– Ну хорошо, – наконец выдохнул в трубку товарищ Лимонов. – Значит, пусть подойдут к начальнику паспортного стола Карасеву к четырем часам. Ясно. Хорошо, потом сообщу.

– Слышали? – спросил Лимонов, поглядывая то на Таню, то на народного контролера.

Добрынин кивнул, а Таня продолжала вопросительно смотреть на директора.

– В общем, начальник паспортного отдела Карасев ждет вас сегодня к четырем, – повторил Лимонов. – Наверно, он объяснит, как это делается. – И Лимонов пожал плечами.

Товарищ Карасев оказался грузным и довольно высоким человеком.

Встретил он Добрынина и Таню вежливо, усадил на стулья. Внимательно выслушал Таню. А потом сказал:

– Я, как товарищ Куняев просил, все узнал. Как простой гражданин вы, товарищ Селиванова, можете поменять фамилию только путем вступления в брак. Ясно?

Таня, услышав это, открыла рот да так ничего и не сказала. В глазах появились слезы.

– Так, значит, нельзя мне... – прошептала дрожащим голосом.

Тут Карасев как-то странно пожал плечами.

– Я же не сказал, что нельзя. «Нельзя» можно было и по телефону сказать!

Добрынин слушал этого большого человека и пытался вспомнить, о чем ему этот нынешний разговор напоминает. Что-то было знакомое то ли в словах, то ли в интонациях Карасева.

– Так как же мне? – снова шепотом проговорила Таня, вцепившись отчаянным взглядом в начальника паспортного отдела.

– Вы очень хотите? – спросил он совершенно спокойным голосом.

Она чуть не заплакала.

– Да! – вырвалось у нее с горечью.

– Есть только один выход. – Карасев заговорил чуть тише. – Вы должны вступить в брак с товарищем Ваплаховым...

Глаза Тани широко раскрылись.

– Как?! Что вы говорите...

Карасев, видно, тоже чувствовал себя не совсем удобно в этом разговоре.

– Вы поймите, – снова заговорил он. – Никто не имеет права изменить вашу фамилию без серьезной причины. Я говорил с ЗАГСом. Они готовы в виде исключения и только по рекомендации горкома зарегистрировать ваш брак при, конечно, некоторых условиях. И тогда вы официально получите фамилию товарища Ваплахова... Если только вы согласны.

– Но как же это, он же умер! – непонимающе прошептала Таня.

– Он геройски погиб, – поправил ее Карасев. – Это каждому в городе известно. Вы его любили?

– Конечно!

– И он, наверно, хотел на вас жениться? – мягко спрашивал Карасев.

Таня кивнула.

– Ну вот, – вздохнув сказал он. – Конечно, это будет не обычная регистрация брака... В общем, ясно, что без гостей и свадьбы. Там же подготовят справку о его гибели и подтверждение вашего вдовства. Понимаете?

Таня в очередной раз кивнула.

– Ну вот и хорошо, – вздохнул с облегчением Карасев. Добрынину тоже все было понятно. Он даже порадовался в душе, порадовался за Таню. Настойчивая девушка, такая своего добьется, и в труде, и в жизни.

– Значит, давайте теперь решим вот что, – сказал после недолгой паузы Карасев. – Вы, товарищ Добрынин, как близкий друг товарища Ваплахова, будете его доверенным лицом.

– А что делать надо? – деловито спросил народный контролер.

– Подпишитесь от имени Ваплахова во время регистрации брака на всех положенных документах. Вот и все, – развел неожиданно руками Карасев. – Теперь жду вас завтра в ЗАГСе в час. Улицу Бемьяна Дебного знаете? Молочный киоск?

Молочный киоск Добрынин знал.

– Второй дом от киоска. Первый этаж, – четко, словно диктовал, произнес Карасев.

Вечером они снова подошли к могиле урку-емца. На холмике лежали кем-то принесенные свежие цветы. Мимо проходили люди, оглядывались на Добрынина и Таню. Как раз закончилась первая смена.

– Он ведь хотел на мне жениться? – тихо спросила Таня у Добрынина.

– Хотел, – подтвердил Добрынин.

На следующий день они нашли ЗАГС.

До часа оставалось еще минут двадцать.

– Может, пройдемся еще немного? – предложил Добрынин взволнованной Тане.

Она хотела что-то сказать, но тут дверь ЗАГСа открылась и на улицу выглянул товарищ Карасев.

– Заходите, – сказал он, раскрывая дверь пошире.

В вестибюле под стенами стояли ряды стульев. В двух дальних углах, словно ветвистые серебряные деревья, блестели две вешалки. На одной из них висело огромное пальто синего цвета и бежевая фетровая шляпа.

– Можете раздеться, – предложил Карасев. – Сейчас товарищ Куняев приедет.

Минут через пять на улице остановилась машина.

Вместе с Куняевым неожиданно приехал директор спирт-завода Лимонов.

Теперь уже и Добрынин занервничал.

Но тут Карасев подошел к Тане и спросил:

– У вас есть доказательства того, что товарищ Ваплахов вас любил?

Таня растерялась. Она посмотрела по сторонам, словно ища поддержки.

– Вы не волнуйтесь. Письма, может быть, у вас есть? Подарки с подписью?

Дрожащей рукой Таня вытащила из маленькой сумочки оба письма и протянула их Карасеву.

– Там еще подписанная фотография, – сказала она дрожащим голосом.

Карасев толстыми пальцами вытащил из одного конверта фотокарточку, прочитал надпись с обратной стороны и, удовлетворенно кивнув, отошел к причесывавшемуся возле вешалки товарищу Куняеву.

Через пару минут он вернулся.

– Все хорошо, – сказал он Тане. – Все очень хорошо. Одна просьба: после заключения брака... могли бы вы эти письма и фотографию передать в музей?

Таня бросила вопросительный взгляд на Добрынина, но Добрынин этого не заметил.

Карасев ждал ответа, и тогда Таня сказала:

– Можно, я письма передам, а фото оставлю?

– Ну хорошо, – кивнул Карасев. – Теперь пойдете!

Добрынин, Таня, Карасев и Куняев с Лимоновым зашли в просторный зал торжественных событий. На полу лежал огромный восточный ковер. На стенах висели красные вымпелы, картины из рабочей жизни и гобелены с изображениями молодоженов разных национальностей и республик в удивительно красочных одеждах. За огромным столом, накрытым красным бархатом, сидела худенькая маленькая женщина в очках, в скромном сером платье. Из-за того, что стол находился в самом конце зала, женщина казалась еще меньше. Четверо мужчин и одна женщина подошли к столу.

– Ну вот, товарищ Паняева, – сказал работнице ЗАГСа Карасев. – Давайте это дело доведем до конца, и все.

Женщина в сером платье сняла с остренького носа очки, протерла их тряпочкой. Снова надела и внимательно посмотрела на Таню Селиванову.

Таня под ее взглядом покраснела и сделала шаг назад.

– Как по обряду? – спросила Паняева у Карасева.

– Ну да, – ответил тот.

– Станьте сюда, – сказала Паняева Тане, указывая на место справа перед столом.

Паняева нервно посмотрела на мужчин.

– А как же... от молодого кто? – забормотала она.

– Вот товарищ Добрынин, доверенное лицо. – Карасев жестом показал на народного контролера.

– Пожалуйста, станьте сюда! – попросила Добрынина маленькая женщина.

Добрынин подошел и стал слева перед столом.

– Гражданка Селиванова, – заговорила дребезжащим голосом Паняева. – Вы согласны стать полноправной женой гражданина Ваплахова?

– Да, – еле слышно прошептала Таня.

– А вы, товарищ Ваплахов, согласны стать полноправным мужем гражданки Селивановой?

Добрынин сделал шаг назад и оглянулся испуганно на Карасева.

Карасев быстро подошел, зашептал контролеру на ухо:

– Вы же доверенное лицо! Вы должны говорить от его имени. Говорите «да»!

Добрынин повернулся к женщине и сказал:

– Да.

– Поздравляю вас от всей души и объявляю вас мужем и женой! – чуть ли не радостно проговорила Паняева. – Поцелуйтесь... – И тут она осеклась и бросила испуганный взгляд на Карасева.

– Не надо, – сказал Карасев спокойно. – Не надо целоваться.

– Товарищ Ваплахов, распишитесь здесь! – попросила женщина.

Добрынин наклонился над столом, расписался.

– А теперь вы, гражданка Селиванова!

Таня тоже наклонилась и расписалась в предложенном документе.

Женщина вопросительно посмотрела на Карасева.

– Все? – спросил он, поймав ее взгляд.

– Да, – ответила она.

Карасев подошел к столу с ее стороны.

– А где подписи свидетелей? – спросил строгим голосом.

– А разве надо?

– Конечно, надо!

– А кто же может расписаться? – спросила Паняева.

– А вот специально для этого приехали товарищ Куняев и товарищ Лимонов.

Паняева побледнела. Казалось, она вот-вот упадет в обморок.

Но ничего страшного не произошло.

Сначала к столу подошел товарищ Куняев, поставил свою длинную подпись в соответственной графе документа. За ним следом и товарищ Лимонов расписался.

– Вот теперь все, – удовлетворенно улыбнулся Карасев.

– Поздравляю вас, – сказал подошедший к Тане секретарь горкома. – Вы очень мужественная женщина!

Таня пожала ему руку.

У секретаря горкома были добрые голубые глаза, и смотрел он ими на Таню как на собственную дочь, с любовью и надеждой.

– Спасибо, – прошептала Таня.

Потом ее поздравил товарищ Лимонов, а Карасев вручил ей «Свидетельство о браке», в котором было черным по белому написано, что зовут ее теперь Татьяна Зиновьевна Ваплахова. Кроме свидетельства Карасев дал ей еще несколько бумаг, в том числе справку о гибели мужа и подтверждение вдовства.

На улице Таня и Добрынин попрощались с Куняевым, Лимоновым и Карасевым. И пошли пешком на аллею Славы.

Добрынин хотел что-нибудь сказать Тане, но сам был так ошеломлен происшедшим, что путался в мыслях и словах, а потому молчал. Таня тоже испытывала волнение. Ее недавняя мечта исполнилась, но произошло это немного странно, хотя лежали теперь в сумочке настоящие документы с подписями и печатями, и написано было в этих документах, что она, Таня Ваплахова, является вдовой Дмитрия Ваплахова, геройски погибшего, спасая жизнь ребенка. Хотелось сдержанно радоваться, но слезы стояли в глазах, и губы болели, будто обветренные.

На Краснореченск опускался ранний октябрьский вечер. Пунцовое солнце лениво ложилось на горизонт.

Глава 13

Осень в Ялте была удивительно теплой и скорее напоминала зауральское лето. Спокойное море отливало небесной синевой и звало куда-то за неведомый дальний горизонт.

Первые дни Юрец, приходя на набережную, все пытался высмотреть другой, противоположный берег моря. Видел он море в первый раз в своей жизни и по наивности и простоте полагал, что море – это слишком широкая река или, на худой случай, большущее озеро. Видно, удивлялся он морю вслух, потому что однажды остановился возле него старик в толстовке и легких парусиновых штанах с грязной, казалось хромавшей на все четыре лапы, болонкой, остановился и стал Юрцу объяснять про физическую географию морей и океанов. Юрец слушал внимательно: не из интереса к этой самой физической географии, а потому, что дни тянулись скучно и однообразно. Но последние слова старика, назвавшегося товарищем Курчавым, вызвали у Юрца некоторые мысли.

– Я ведь в институте прикладной географии работал, – говорил старик. – Так мы там могли организовать так, что любой кусок земли, любой район или область могли стать или морем или островом...

– А чего? – спросил на это Юрец.

– Ну как вам объяснить, товарищ; это не для практической пользы, а для показания возможностей человека при социализме... – ответил старик.

Потом вежливо раскланялся и пошел дальше со своей хромой на все лапы болонкой по пустынной широкой набережной.

В принципе Юрец был доволен тем, что попал сюда. Трое встречавших его у ворот тюрьмы оказались не такими уж страшными типами. Привезли они его в какую-то контору, где долго диктовали ему заявление о приеме на работу, но в конце концов один из них, главный, тот, что был выше других да и самого Юрца на голову, написал заявление за него. Дело было в том, что в тюрьме Юрец забыл некоторые письменные буквы и вместо них писал «о», так что написанное им заявление имело такой волжский акцент, что понять его было невозможно. А кончилось тем, что Юрец просто расписался под написанной за него бумагой, в которой он просил принять его на работу на должность ассистента (этого слова Юрец вообще никогда в жизни не слышал!) филологической лаборатории Института русского языка и литературы им. А.С.Пушкина. Конечно, Юрец боялся работы и в принципе работать не собирался, но, к его пущей радости, оказалось, что работать ему и не надо, а платят ему за то, что он хозяин попугая, представляющего «огромный интерес для советской филологической науки», как сказал белобрысый ученый.

Иногда Юрец вздыхал, вспоминая о своих планах на будущее. Но планы все равно оставались планами, так как этот ученый, а звали его Костях Саплухов, хотя он просил всех называть его Костей, обещал Юрцу и попугаю полную свободу, как только попугай закончит рассказывать все выученные за свою длинную жизнь стихотворения. Конечно, Юрца огорчало огромное количество этих чертовых стихов, умещавшихся в маленькой сине-зеленой головке попугая, но он терпеливо ждал, когда птица выдохнется, и тогда начнутся его долгожданные гастроли по «малинам» первой в мире страны построенного социализма.

А пока он жил в отдельном номере Ялтинского дома творчества писателей, питался в их столовой и, надо сказать, еда там отличалась от тюремных паек, даже если брать в расчет частые батоны вареной колбасы из ящика письменного стола начальника тюрьмы Крученого. В свободное время (а другого у него просто не было) он бродил по городу, смотрел на море и ни о чем, кроме женщин, не думал. Но женщин он в городе не видел. Не в том смысле, что их там вообще не было. Были там, конечно, женщины, и старые и не очень, но еще не видел

он ни разу ни одной блондинки, и так уж сложилось у него в голове, что неблондинок он как бы и женщинами не считал.

В соседнем с ним номере жил и работал этот ученый Костах Саплухов. Собственно, и попугай жил у него в номере, что даже нравилось Юрцу, так как не надо было ему самолично кормить птицу. У ученого в номере на письменном столе стоял большущий магнитофон для записи звуков. Называлась эта громоздкая машина «Днепр-11-А». Когда Юрец наконец понял возможности магнитофона, возникла у него мысль о краже этой штуки, и, как бы ненароком натолкнувшись на него, проверил Юрец его вес и понял, что в одиночку ему магнитофон не украсть. Но так как чувство коллективизма ему было чуждо и он никогда не работал в паре с коллегами по воровскому ремеслу, то пришлось ему отказаться от этой заманчивой идеи.

Этажом выше жила секретарша Саплухова. В номере у нее стояла письменная машинка, и каждый вечер ее стрекот вызывал на лице Юрца, выходявшего покурить на балкон, кривоватую мину. Она каждый вечер перепечатывала с магнитофонных бобин надиктованные попугаем стихи и под утро приносила ученому работу в двух экземплярах. Надо сказать, что во многих номерах Дома творчества были печатные машинки, но шумели они в основном по утрам, когда Юрец уходил в город. Ясное дело, что жили и работали там настоящие писатели, но ничего против них Юрец не чувствовал, так как режим работы у них был нормальный: с утра до обеда они что-то писали, а с обеда до утра – пили коньяк или водку и иногда, выйдя на балкон, читали по очереди свои стихи. Читали громко, пьяными голосами, с завываниями и устными восклицательными знаками.

Пару раз эти писатели звали его в гости, должно быть думая, что и он писатель или поэт. Но Юрец вежливо отказывался, боясь, что писатели, заметив, что он безграмотный и не очень культурный, избыют его до смерти.

Так проходили теплые осенние дни. Тихо и спокойно было в Ялте. По гладкому морю плавали туда-сюда маленькие белые теплоходы, и иногда металлический голос, доносившийся с причала, упрашивал уважаемых товарищей отдыхающих принять участие в морской прогулке на теплоходе «Олег Кошевой» или на теплоходе «Зоя Космодемьянская». Юрец плавать не умел и поэтому к самой воде не подходил и морскими прогулками не интересовался.

Как-то за завтраком (а ели они втроем за одним столом: Юрец, Саплухов и его секретарша) к ним подсел лысоватый мужчина лет пятидесяти в белых штанах и желтой бобочке, с животиком и по-детски ярко-красным румянцем на пухленьких щечках.

– Вы же товарищ Саплухов? – сказал он с улыбочкой, сразу повернувшись к ученому-филологу.

– Да, – сказал тот.

– Читал о вас и о лаборатории в «Вопросах литературы», – сказал лысоватый. – Извините, не представился. Член Союза писателей Грибанин Василий Кузьмич.

– Ну меня вы знаете, – не без гордости сказал Саплухов. – А это мой секретарь Нина Петровна и ассистент Юрий Григорьевич, – представил он остальных сидевших за столом.

Грибанин кивнул секретарше, а потом и Юрцу.

– Если позволите, я с вами есть буду, а то, знаете, скучно одному, – говорил он. – Я тут уже второй год живу.

– Здесь? Второй год? – удивился Саплухов.

– Да-да... Роман пишу, такой, знаете, биографический роман о жизни первого наркома здравоохранения, о Семашко. Слышали о нем?

– Конечно, – сказал Саплухов. – Даже читал, помню, что-то из его очерков.

– Вот о нем и пишу. Большущий роман получается. Даже не думал, что так много материала обнаружится о его жизни и деятельности.

Официантка в белом подкатила к столу тележку и стала расставлять тарелки с гречневой кашей и котлетками.

– Валечка, я теперь здесь буду сидеть, хорошо? – ласково проговорил писатель Грибанин.

– Хорошо, – сказала, вздохнув, Валечка. – Вы, Василий Кузьмич, каждую неделю переживаетесь, невозможно упомнить!

С этого момента три раза в день за столом разговаривали о неизвестном Юрцу Семашко. Несколько раз прошлись подробно от его трудного детства в купеческой семье до наркомовских высот и тихой благородной смерти в кремлевской больнице. Похоже было, однако, что секретарша Саплухова проявляла больше интереса к этой исторической личности, чем ее ученический начальник, и, видимо, этого было достаточно Грибанину, чтобы тараторить без конца, почти захлебываясь, глядя не моргая на внимательную Нину Петровну и лишь изредка бросая контрольные взгляды на Саплухова, чтобы лишней раз ему улыбнуться.

Юрец, больше следя за Грибаниным, чем слушая его, понял, что писателю нравится тело саплуховской секретарши. В этом, конечно, удивительного ничего не было, ведь Нина Петровна имела добротную фигуру силовой физкультурницы и лицом была приятна и веснушчатая. Догадки Юрца стали находить подтверждение по вечерам, когда стрекотанье ее печатной машинки вдруг затихало на час – полтора и вместо него доносилось до тонкого настроженного уха Юрца какое-то ерзанье, поскрипывание. А уже около полуночи, когда Юрец курил на балконе последнюю перед сном папиросу, думая о женщине-блондинке, он видел, как Нина Петровна с этим самым Грибаниным пробирались по узкой парковой аллейке вниз, к витиеватой улочке, ведущей к морю. Вот этого Юрец понять никак не мог. Ну хорошо, думал он, пожарились перед сном, попотели, как в бане, но зачем после этого на ночь глядя идти не меньше километра по темному городу к морю? Дурь какая-то писательская, – думал он и все больше убеждался, что писателей надо сторониться, потому что неизвестно, что у них такое на уме.

Наблюдение этого писательско-секретарского романа уже начинало выводить Юрца из себя. Не то чтобы он был против. Совсем нет. Просто стало ему невыносимо одиноко без женщины-блондинки, и обходиться одними мыслями о ней он уже никак не мог. Надо было что-то делать. И он открыл свой чемодан. Пересчитал пачку заработанных в тюрьме денег. Было там что-то около пяти с половиной тысяч, ведь по приезде в Ялту пришлось ему купить себе модной летней одежды, да и еще кепку с козырьком купил у армянина на базаре за двадцать рублей. В общем, денег было много. Отсчитав триста рублей, решил Юрец пойти в ресторан на набережной. Там было несколько ресторанов, но Юрец присмотрел один, из которого по вечерам громче доносилась музыка и пьяные выкрики клиентов. «Там, где больше шума, – там больше и женщин», – разумно заключил он.

Одевшись в летний бело-голубой полосатый костюм и водрузив на голову кепку, Юрец пощупал деньги, лежавшие во внутреннем кармане пиджака, и, глубоко вздохнув, вышел из своего номера.

В ресторане «Волна» в папиросном дыму плавали официантки в коротких, открывающих колени, оранжевых юбочках. Разносили вино, водку, цветасто украшенные «резными» овощами блюда. Играл оркестр, и музыка то и дело срывалась на фальшивой ноте и опадала, словно музыкант, ошибившись, переставал с испуга играть на секунду, но потом снова дотрагивался смычком до скрипки или пальцами до клавиш снежно-белого рояля.

– Здравствуйте, – возникла перед Юрцом из дымного тумана толстенная маленькая женщина с завивкой. – Вам столик на одного или, может, подсадить? – услужливо спросила она и воровато подмигнула.

– На одного, – выпалил Юрец, застигнутый врасплох.

Женщина музыкально развернулась и, махнув ручкой, призвала клиента следовать за ней. Они прошли, лавируя между столиками и большими пальмовыми лапами-листьями, высывавшимися из пропитанного папиросным дымом воздуха. Остановились в самом углу: там, среди пальм, стоял маленький столик на двоих.

– Нравится? – спросила женщина.

Юрец кивнул.

– Присаживайтесь, а я сейчас официанточку пришлю!

Не успел Юрец как следует развалиться на удобном стуле, отодвинувшись на полметра от стола и закинув ногу на ногу, как возле него остановилась миленькая рыжеволосая официантка.

– Меню, – чирикнула она, подавая Юрцу толстую красную папку.

Он смотрел на странные, ничего ему не говорящие названия пищи, а она терпеливо стояла рядом, зажав в правой ручке карандаш, а во второй блокнот.

– Это мясо? – спросил Юрец, тыкая на какое-то мудреное слово, в котором, однако, чувствовалось что-то мясное.

– Да, – наклонившись, сказала официантка. – Мясо молодого оленя, вымоченное в молоке.

Юрец удивленно покачал головой.

– Будете?

– Да. Одну порцию, – добавил Юрец на всякий случай. – А вино какое?

– А вот, пожалуйста, – она услужливо перевернула страницу и показала на бесконечный список алкогольных напитков.

Снова растерявшись, Юрец оторвал взгляд от всех этих «совиньонов», посмотрел на официантку просяще и сказал:

– Водки триста грамм?

– Пожалуйста, – улыбнулась девушка. – Какой? «Кубанской», «Лимонной», «Перцовки», «Русской»...

– «Русской», – перебил невыносимое перечисление Юрец. – И поскорее!

Девушка исчезла, успев настоятельно порекомендовать рыбное ассорти и овощной салат.

Глаза Юрца постепенно привыкали к странно сочному ресторанному воздуху. Проступали уже силуэты сидевших за соседними столиками, а минут пять спустя смог Юрец различить и музыкантов, старавшихся в противоположном углу зала.

Увидел, как плыла к нему с подносом в руках официанточка с рыжими волосами. Сама все расставила, сама ему стопочку хрустальную водкой наполнила.

– Может, минералочки принести? Чтобы запивать? – спросила она.

– Я не запиваю, я закусываю, – мягко, ощущая что-то отцовское, объяснил Юрец.

А правая рука уже брала стопку и опрокидывала ее в рот. Потом схватила вилку и, покружившись над столиком, опустила ее на кусок красной рыбы.

Во рту возникла приятная разновкусица: соленое с горьким и что-то сладенькое.

Юрец налил себе вторую. Еще раз изучил столик. Понял, что главного мясного блюда еще нет, а значит, надо закусывать салатами. Графинчик, в котором официантка принесла водку, показался вдруг Юрцу маловатым.

«Но ничего, – подумал он, сам себя утешая. – Еще не вечер!»

– А сейчас для наших братьев с солнечного Кавказа – лезгинка! – донеслось со стороны оркестрика.

И тут же эта кавказская музыка стала резать кинжалами сочный ресторанный воздух, и кто-то в такт этим кинжалам выкрикивал: «Асса! Асса! Асса!»

А внутри у Юрца разливалось приятное тепло, и даже ощущение удовольствия возникло: он потер руки и ощутил на ладонях пот. «Жарко тут», – подумал и снова наполнил стопку. Но в этот раз подержал ее с минуту у рта, вдыхая такие приятные водочные пары и бросая проницательные взгляды по сторонам, выискивая среди этих празднующих неизвестно что штымпов женщину-блондинку. Но ее тут не было.

И тогда Юрец выпил, снова закусил рыбой, забросал красную рыбу двумя колечками свежего огурца и все это стал пережевывать вместе, ощущая, как трудно челюстям бороться с плотностью добротной ресторанной пищи.

После лезгинки прозвучало несколько танцевальных мелодий, но потом тот же голос вдруг радостно поздравил Петра Кирилловича Погодина с днем рождения и от имени его друзей подарил ему его любимую песню со странным названием «А нам все равно».

Тем временем Юрец принялся за второй графинчик водки, принесенный по его просьбе симпатичной маленькой официанточкой.

Воздух снова начинал густеть: то ли все разом закурили в очередной раз, то ли по какой-то другой причине.

И вдруг в этом загустевшем воздухе Юрец увидел медленно проплывающую блондинку. Все внутри Юрца напряглось и тут же сладко расслабилось, а на его лице появилась похотливая полуулыбка-полуухмылочка. Он поднялся из-за стола и пошел за ней, уже исчезнувшей где-то слева, за широколапой пальмой.

А оркестр заиграл что-то медленное и лирическое, и на глазах у Юрца кавалеры тянули своих и соседних дам на танцевальный круг в центре зала. Юрец понял, что и ему надо делать так же, и, ускорив нетвердые шаги, остановился у одиноко сидевшей за столиком блондинки. Столик был на четверых, громоздились на нем объедки салатов и пустые винные бутылки, из чего понял Юрец, что женщина эта не совсем одинока.

– Станцуем? – спросил он негромко, наклонившись над ней.

Она посмотрела игриво и оценивающе, повела обнаженным плечом: было на ней легкое синее в звездочках платье, державшееся только на двух тесемочках, завязанных бантиком на белых плечиках.

Встала. Протянула руку.

Юрец схватил ее за эту руку и потащил на танцевальный круг.

Танцевали страстно, вжавшись друг в друга что было силы.

– Тебя как зовут? – прошептала она томным голосом.

– Юрец.

– А меня – Анжела...

После танца она сидела уже за его столиком и, перейдя с вина на водку, рассказывала о своей учебе в педагогическом институте.

Перед закрытием ресторана он предложил Анжеле продолжить праздник в его номере. Анжела, узнав, что он живет в Доме творчества писателей, легко согласилась.

По пустынным витиеватым улочкам карабкались они вверх к Дому творчества.

– Вы тоже писатель? – спрашивала пьяненькая блондинка.

– Не совсем, – говорил Юрец. – Скорее поэт...

– Прочитайте что-нибудь из ваших стихов.

– Потом. Прочитаю.

Яркая луна освещала приморский город нежным шелковым светом.

Поднялись на второй этаж. Юрец ввел Анжелу в комнату, усадил за стол, а сам вытащил из тумбочки банку шпрот, бутылку крымского портвейна и два стакана.

– Вы мне стихи почитаете? – снова спросила заплетающимся языком блондинка.

Юрец бросил на нее раздраженный взгляд.

Не ответил. Был очень занят открыванием бутылки вина.

Наконец не поддававшаяся было пробка, шпокнув, вдавилась внутрь бутылки, и Юрец расслабленно опустил вилку, которой вдавливал пробку, на стол. Взял стаканы. Разлил.

– Ну, – сказал он, – за знакомство.

Анжела подняла стакан, пригубила и опустила на стол.

Говорить Юрцу не хотелось, и он решил сразу перейти к делу. Встал, подошел к девушке, обнял ее сзади и, наклонившись над ней, прошептал в самое ушко:

– Свет выключить?

– Зачем? – Девушка посмотрела на него снизу вверх широко открытыми зелеными глазами. – Я люблю, когда ярко, когда много света. – И улыбнулась, показав белоснежные ровненькие зубки.

Потом игриво развязала тесемочки на плечиках, и легкое платье соскользнуло вниз, открыв ее животик и белый кружевной лифчик.

Юрец вроде и обрадовался такой готовности, но самому ему было как-то неудобно раздеваться при свете.

– Ну что же вы, а еще писатель! – хихикнула Анжела, заметив его растерянность.

А сама встала – платьице упало на пол, и она осталась в лифчике и белых трусиках.

Отступать было нельзя, и Юрец, покосившись на яркую лампочку, стащил с себя пиджак, потом сорочку, потом снял брюки и остался в спортивного вида синих трусах. Наконец, переборов себя, снял и трусы.

– Ой, – хихикнула Анжела, разглядывая голого «поэта». – Какой он тоненький! Ой, я еще таких не видала!..

Юрца словно кувалдой по голове ударило. Он выпучил глаза на эту блондинку. Внутри все закипело, хмель словно улетучился, оставив душевную тяжесть.

– Какой тонкий! – похихикивая, продолжала восклицать тоненьким голоском Анжела.

Матерясь, Юрец быстро надел трусы и угрожающе пошел к Анжеле. Схватил ее за руку и потащил к двери.

– Ах ты ж сука! – кричал он, и крик его срывался на хрип. – Я тебе, сука, покажу тонкий!

И открыв дверь, он вытолкнул девушку в коридор. И тут же закрылся на замок изнутри, словно боялся, что она будет рваться назад.

В коридоре возник какой-то шум, но Юрец не обращал на него никакого внимания. Он допил портвейн, успокоился немного и вдруг заметил, что вся одежда этой блондинки лежит на полу комнаты. Раскрыл дверь на балкон и швырнул туда и босоножки, и платье.

Минут через десять он уже храпел на кровати.

А в коридоре слышались шаги: пьяная полуобнаженная девушка что-то рассказывала заплетающимся языком двум молодым милиционерам и дежурной горничной Дома творчества писателей.

– Эти писатели, – причитала, слушая девушку, горничная. – Они такие сволочи! Такие развратники! Лучше бы лишний роман написали, чем безобидных дур совращать!..

– Не мешайте, гражданка, – попытался урезонить ее один из милиционеров, безотрывно глядя на кружевной лифчик девушки.

Глава 14

Весть о страшной смерти Захара-печника разнеслась по всей округе Новых Палестин. Разнеслась и словно осела на языке и в памяти тысяч людей, знавших и не знавших его. Всех потрясла она, и примолкли новопалестиняне, будто не о чем им стало говорить меж собой. Все делали молча. Только учительница Катя продолжала свои уроки в человеческом коровнике, объясняя детям разные несложные науки. И даже историю с Захаром-печником напоминала она детям, объясняя им разницу между жизнью и смертью.

Замолчал на время и ангел, для которого происшедшее было непонятно и ужасно. Сидел он днями на своей лавке, вспоминая то, что уже не могло повториться: долгие зимние вечера разговоров за столом в доме у Захара. Иногда спускался он с холма и шел к оставшемуся жить в доме печника Петру. Сидели они тогда вдвоем за столом и молчали. Петр подпирал единственной рукой подбородок и время от времени вздыхал.

А время шло. Зима была еще сильно холодом, но оставалось ей недолго править. Люди думали о весне, и, наверно, каждый в душе надеялся, что весенние заботы отвлекут их от воспоминаний и мыслей о смерти Захара. Хотя понятно было, что весна, когда наступит, начнется как раз с похорон Захара и Архипки-Степана, лежавших между большой колодой для рубки мяса и стеной зимней кухни. Сейчас оба тела были припорошены снегом, а Захар еще был завернут в широкую холстину, чтобы никто не видел, что от него осталось.

Доходили до новопалестинян слухи о том, что разыскивают разные колхозные крестьяне бригаду строителей вместе с бригадиром, чтобы поступить с ними по справедливости. А сама бригада прячется по лесам, постоянно переходя с места на место.

Эти слухи дошли и до ангела, но особенного внимания он на них не обратил, да и не думал особенно о строителях, хотя их бригадира, виновника гибели Захара, вспоминал не раз, пытаюсь понять, откуда в человеке может быть столько зла.

И вот однажды утром, выйдя на какой-то шум из человеческого коровника, увидел он внизу у реки, как раз напротив дома Захара, множество народу – пожалуй, даже больше, чем было жителей в Новых Палестинах. Спустился он с холма. Увидел горбуна-счетовода с толстой амбарной книгой под мышкой. Подошел к нему.

– Словили, – сказал горбун и движением подбородка указал на реку, однако ничего там ангел увидеть не мог из-за большого стечения народа.

– А что там делают? – спросил ангел.

– Судят, – ответил горбун-счетовод.

Это слово внезапно отозвалось в мыслях ангела, и подумал он, что в конце концов и его ожидает высокий Небесный суд за его побег. Стало ему на мгновение страшно, но пересилил он этот страх и задумался дальше спокойнее, хотя и с обреченностью, ведь думал он о том, что некого будет ему брать отсюда в Рай, некого будет ему вводить в райские ворота, а значит, и прощения от своих братьев и сестер он не получит. И эти мысли как-то сами собой подвели его к другой мысли, которую он внутренне прослушал и испугался. «Уходить надо, – сказала мысль. – Праведника искать, иначе страшное наказание ждет!» И хоть отогнал ангел эту мысль, но неожиданно для себя кивнул в знак согласия с нею.

А суд над бригадиром и его строителями продолжался. Горбун протерся поближе к судилищу и вернулся обратно. Отыскал ангела и сообщил ему, что судят строителей не новопалестиняне, а колхозные крестьяне, которые сказали, что новопалестинян к суду допускать нельзя, потому что добрые они очень и обязательно недосудят виновных. Услышав это, ангел вздохнул с облегчением – раз колхозные крестьяне считают жителей Новых Палестин слишком добрыми, значит, живет он, ангел, среди не самых худших из людей этой загадочной страны.

Может, просто мало он им помогал, может, это его вина, что уже сейчас видно – не попадут эти люди после смерти в Рай?

– Тише! Тише! – закричал кто-то со стороны замерзшей реки, где проходил этот суд.

Замолчали люди, прислушались. Прислушался и ангел, голос расслышал, но о чем говорил этот голос – не разобрал.

Через полчаса толпа стала расступаться, расходиться. Ангел стоял и о Рае думал. И вдруг в освободившемся от людей пространстве увидел он полынью на льду реки, а из полыни торчала макушка головы и расставленные в стороны руки, привязанные к длинной жердине.

Оглянулся ангел по сторонам, испугавшись вдруг, что один он остался. Но много еще людей стояло рядом. Стояли молча и смотрели, как вмерзает в лед по приговору суда бригадир строителей – убийца Захара.

Подошел горбун-счетовод.

– Ну все, – сказал он с облегчением.

– А со строителями? – спросил ангел, будучи не в силах оторвать свой оцепеневший взгляд от страшной полыни. – Что решили?

– Одного простили, он пообещал школу в одиночку достроить. Остальных под лед, они ведь и там, в колхозе, чего-то натворили. С бабами...

Ангел кивнул. И вдруг его затошнило – почувился в воздухе запах копченого мяса. Ангел в испуге оглянулся на дом Захара и действительно увидел вылетающий из трубы дымок.

Горбун-счетовод тоже посмотрел туда.

– Колхозники свинины принесли, вот Петр и коптит, он ведь знает это дело, от Захара выучил.

– На ужин? – спросил ангел, и стало ему не по себе от чужеродности заданного им самим вопроса.

– Ага, они ж ночевать у нас будут. Хотят за ужином суд отпраздновать, Захара помянуть. Водки тоже принесли.

Ангел снова кивнул. На душе у него было тяжело, будто одною своею душою удерживал он все небо над этой страной, не давая ему рухнуть, удерживал из жалости к людям, которых не понимал и, казалось, больше не любил.

Глава 15

Ко Дню Победы в Краснореченске установилась хорошая погода. Дожди и грозы прекратились, выглянуло солнце и за пару дней высушило все улицы и площади города. И хоть в окружающих город лесах и рошицах еще лежал снег, в самом Краснореченске зеленела трава и на клумбах распускались первые нарциссы.

Девятого мая, перед тем как идти на почетную трибуну, Добрынин положил букет цветов на могилу друга. В прошлом году они вместе с ним, Дмитрием Ваплаховым, приветствовали демонстрацию и оба радовались, глядя на пионеров и октябрят с шариками и надувными фигурами в руках. Теперь, год спустя, Добрынин был один. Он уже свикся со своим одиночеством, но одиночество это было скорее душевного характера, ведь знакомых у него в Краснореченске имелось множество, и все они хорошо относились к народному контролеру, уважали его и, может быть, даже по-человечески любили. Не было у Добрынина только друга, такого близкого друга, каким был раньше Дмитрий. Но Добрынин знал, что настоящая дружба рождается сама по себе, ее нельзя найти на работе или на улице. Настоящая дружба очень часто скрепляется кровью, но сейчас было другое время. Сейчас было мирное время, и редко выпадали на долю людей испытания, в которых могла бы родиться настоящая дружба.

Демонстрация закончилась к полудню, но праздник в городе продолжался, и из репродукторов на фонарных столбах неслась бодрая музыка. Люди наслаждались солнечной погодой, гуляли по городу.

Горком партии поехал на пикник. Куняев приглашал и Добрынина, но народный контролер в больших компаниях чувствовал себя неуютно, терялся. Он поблагодарил секретаря горкома, но, сославшись на трудовую усталость, отказался от приглашения. Вместо этого он пошел домой.

Открывая дверь, заметил кончик письма, выглядывавшего из почтового ящика. Вытащил письмо и зашел.

Первым делом поставил чайник. Потом по привычке сел на кухне за стол. Вскрыл письмо.

«Дорогой товарищ Добрынин», – прочитал он. Округлый аккуратный почерк показался знакомым, и он посмотрел на адрес отправителя, указанный на конверте.

Адреса там не было, но фамилия отправителя присутствовала: Таня Ваплахова.

Добрынин удивился: ведь это было ее первое письмо за долгое время. Первое письмо после ее приезда в Краснореченск в прошлом октябре.

«Дорогой товарищ Добрынин, – снова прочитал он. – Извините, что долго не писала, и большое спасибо за заботу, которую вы мне оказали осенью. Пишу вам, потому что больше написать некому. Нет у меня больше никого из родных и близких, кроме вас, поэтому и пишу с просьбой о помощи. Со мной случилось что-то непонятное. Напишите: можно ли мне к вам приехать? Уже несколько месяцев я в отчаянии, и некоторые надо мной смеются. Жду ответа, с уважением,
Таня Ваплахова».

Это сумбурное короткое письмо озадачило Добрынина. Сначала озадачило, а потом взволновало. Он нашел ее адрес и, не выпив чая, поспешил на дежурную почту. Отправил Тане телеграмму: «Приезжай, жду. Добрынин».

Через несколько дней она приехала.

Добрынин как раз возвращался с работы. Возвращался позже обычного: контролировал загрузку двух внеплановых цистерн.

Поднялся на свой второй этаж, уже и ключ дверной вытащил и вдруг увидел Таню. Она сидела на верхней ступеньке лестницы, рядом стоял ее фанерный, обтянутый брезентом чемодан.

Добрынин заметил, что Таня изменилась, но слабосильная лампочка плохо освещала лестничную клетку, и при таком свете мало что можно было рассмотреть.

– Вы откройте дверь, а я сейчас встану, – сказала Таня, придвигаясь к стене и пропуская Добрынина.

Она зашла следом за ним и сразу нырнула с чемоданом в комнату.

Добрынин закрыл дверь, разулся. Включил свет.

– С приездом! – крикнул он из коридора.

Но Таня не ответила.

Он удивленно заглянул в комнату и тут понял, что изменилось в ее внешности. Таня сильно пополнила – тут Добрынин еще больше удивился – казалось, была беременна. От неожиданности народный контролер замер, уставившись на ее живот, выпиравший под легким зеленым пальто.

– Не смотрите на меня так! – жалобно попросила Таня. – Не надо!

Добрынин кивнул и вернулся в коридор.

Нашел свои тапки. Обул их.

– Вы не обижайтесь, – донесся из комнаты Танин голос. – Я так намучилась там... Столько стыда натерпелась. Ведь никто не верит...

«Вот оно что», – вдруг подумал народный контролер. Смысл письма теперь был ему ясен. Вспомнил он о той девушке в Сарске, которую красноармеец бросил, вспомнил, к чему это привело, и понял, что должен он позаботиться о Тане, чтобы ничего подобного с ней не случилось. Ведь ясно было, что теперь она одна, и неважно – кто ее бросил: красноармеец или инженер!

Вернулся Добрынин в комнату, сел на табурет у окна и уставился на фотографию уркуемца, висевшую на стене, – не хотел больше смущать Таню своим взглядом.

– Это ничего, не бойся! – произнес Добрынин как можно мягче. – Кушать хочешь?

– Да, – призналась Таня.

Добрынин с радостью ушел на кухню. Почистил картошку. Потом варил ее долго на плите. Вдруг услышал за спиной шаги. Обернулся.

Перед ним стояла Таня. Она уже переделалась в широкий домашний халат. На ногах – тряпичные тапочки. Широкий халат почти полностью скрывал беременность, может быть, поэтому сейчас она выглядела более уверенно.

– Может, я помогу? – спросила Таня.

– Садись, уже все готово, – ответил Добрынин.

За поздним ужином они сидели почти до полуночи.

То, что Таня рассказала народному контролеру, так озадачило и удивило его, что он и не знал, верить ей или нет. С одной стороны, он не мог ей не верить, ведь была она теперь вдовой его друга Дмитрия Ваплахова. Но с другой стороны, весь ее рассказ вызвал в Добрынине сомнения с точки зрения нормального разума. «Как же это так? – думал народный контролер. – Разве можно забеременеть без хотя бы какого-нибудь захудалого мужика? Разве может это из ничего получиться?»

Но Таня настаивала на своем.

– Я это заметила где-то через месяц после того, после брака, – говорила она. – Думала сперва, что живот болит. Поболит-поболит и пройдет, решила. А он не проходит. И тогда я к врачу пошла, а он говорит: «Вы, гражданка, беременны!» Я чуть не отравилась! А тут еще подруги заметили, извели меня совсем. Все «кто» да «кто» спрашивают. Еще обижались,

почему им не сказала раньше. А как же я знаю, кто? Я ж после брака ни с кем не была. Только работа и общежитие...

Под конец Таня расплакалась, и сам Добрынин за нее расстроился.

Он уже почти верил в ее рассказ.

Постелил ей потом свою кровать, а сам на завод пошел.

Спал на полу, подстелив одеяло. Да и не спал, а ворочался всю ночь, все о Тане думал.

Вечером после работы пришел домой.

Таня его с ужином ждала. Картошки с мясом натушила.

Поели они молча.

– А ты вообще надолго? – осторожно спросил Добрынин перед тем, как на завод идти ночевать.

– Я назад не поеду! – взволнованно сказала Таня. – Мне товарищ Соколов говорил, что можно будет здесь остаться... Работу потом найду, общежитие...

– Да-да, ну спокойной ночи!

На заводе было тихо, и даже вохровец на проходной спал.

Добрынин поднялся в свой кабинет, постелил на полу одеяло. Потом сел за стол. Спать ему не хотелось, да и мысленные сомнения совсем замучили голову. «Хоть бы какое научное объяснение найти или про похожий случай в газете прочитать, – думал Добрынин. – А может, спросить у кого-нибудь знающего?» И решил он тут же письмо полковнику Соколову написать. Соколов, он и Таню Ваплахову знает, и его, Добрынина. Он, если что, все как есть напишет и объяснит.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.